

РЕВОЛЮЦИЯ И ЦАРЬ

**ЛЕГЕНДА
О СЕПАРАТНОМ МИРЕ.
КАНУН РЕВОЛЮЦИИ**

С.П. МЕЛЬГУНОВ

Революция и царь

Сергей Мельгунов

**Легенда о сепаратном
мире. Канун революции**

«ВЕЧЕ»

Мельгунов С. П.

Легенда о сепаратном мире. Канун революции /
С. П. Мельгунов — «ВЕЧЕ», — (Революция и царь)

ISBN 978-5-4444-8483-8

Издательство «Вече» впервые в России представляет читателям трилогию «Революция и царь» Сергея Петровича Мельгунова, посвященную сложнейшим коллизиям, которые привели к Февральским событиям, Октябрьскому перевороту и установлению в стране «красной диктатуры». В трилогию входят книги «Легенда о сепаратном мире. Канун революции», «Мартовские дни 1917 года», «Судьба императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки». Мельгунов еще в 1930-е годы подробно описал, какая паутина заговоров плелась в России против Николая II и какую роль играли в них масоны. Но он не касался вопроса о тех мифах и легендах, которые сформировались в российском обществе не без участия этих же самых заговорщиков и которые сыграли заметную роль в будущем крушении монархии. Этой теме он и посвятил свой труд «Легенда о сепаратном мире». Работая над ним в годы Второй мировой войны, последний раз он исправил и дополнил рукопись летом 1955 года. Впервые книга увидела свет в 1957 году, уже после смерти историка. Мельгунов поставил перед собой задачу разобраться в том, имела ли под собой эта легенда хоть какое-то основание, откуда она появилась, как распространялась и какую роль она сыграла в борьбе политических сил накануне Февраля. Фантастические слухи и домыслы распространялись в атмосфере массового психоза шпиономании, измены и предательства, которая сложилась в России с самого начала Первой мировой войны. Книга издана в авторской редакции с сохранением стилистики, сокращений и особенностей пунктуации оригинала.

ISBN 978-5-4444-8483-8

© Мельгунов С. П.

© ВЕЧЕ

Содержание

В «паутине сепаратного мира», или О том, как легенды могут погубить великую империю	6
Введение	13
Глава первая. Пробные шары немцев	17
1. Русская посредница (Письма Васильчиковой)	18
2. Ходячая молва (Письмо принца Гессенского)	20
3. Посланец датского короля	23
4. Банковские пацифисты	25
5. Гофмаршал Эйленбург	27
6. Васильчикова в Петербурге	28
Глава вторая. Византийская мечта	33
1. Константинопольская проблема перед войной	33
2. Русский «приз войны» и союзники	37
3. Русское «общественное мнение»	40
4. В Верховной Ставке	42
Глава третья. Смена верховного командования	46
1. «Второй Император»	46
2. Ставка и правительство	49
3. «Фатальное» решение Николая II	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сергей Мельгунов

Легенда о сепаратном мире. Канун революции

В «паутине сепаратного мира», или О том, как легенды могут погубить великую империю

Россия прожила уже несколько лет нового века и шаг за шагом приближается к 100-летию Первой мировой войны и революционной смуты, взорвавшей вековые устои великого государства. Самое любопытное, что несмотря на приближающийся юбилей роковых событий, в общественном сознании страны до сих пор еще так и не сформировалось четкое и взвешенное понимание того, *почему и как случилась эта трагедия, каковы ее скрытые истоки и причины*. К сожалению, даже поток книг и исследований на данную тему, который выплеснулся на читателей в первые годы перестройки и новой России, не прояснил очень и очень многое из покрытого «плесенью времени». Приходится обращаться к указанной теме как бы заново, и помочь в этом могут все еще не доступные массовому читателю труды одного из крупнейших российских историков XX века Сергея Петровича Мельгунова (1879—1956).

Вехами на жизненном и творческом пути историка до революции стали исследования по истории России, прежде всего русской церкви, подготовка им многотомных коллективных трудов о реформе 1861 года, Отечественной войне 1812 года и масонстве, редакционно-издательские дела в издательстве «Задруга» и журнале «Голос минувшего», а также активное участие в создании и деятельности Народно-социалистической партии. События Октябрьской революции привели историка в стан контрреволюционных сил, в которых он занимал одно из самых видных мест. На этом поприще Мельгунова ждали пять арестов, полтора года заключения в тюрьмах, полгода жизни на нелегальном положении, угроза расстрела и высылка за границу в 1922 году. Затем последовали около 35 лет жизни на чужбине, продолжение антисоветской борьбы и издательской работы, а самое главное, непрерывные исследования историком пережитой Россией новой смуты. Из-под его пера в эмиграции вышли 12 исследовательских трудов (в 16 томах), сотни статей и заметок, которые позволяют без сомнения называть Мельгунова крупнейшим историком русского зарубежья¹.

Самым важным трудом Мельгунова в эмиграции стала его трилогия «Революция и царь», которую он задумал еще в 1930-е годы и над которой работал с периода Второй мировой войны до последних лет своей жизни. В нее входят следующие книги, которые ныне выпущены в свет издательством «Вече»: «Легенда о сепаратном мире. Канун революции» (Париж, 1957), «Мартовские дни 1917 года» (Париж, 1961) и «Судьба императора Николая II после отречения» (Париж, 1951). Не останавливаясь подробно на содержании второй и третьей книг трилогии, упомянем лишь, что на их страницах подробно, в некоторых местах почти час за часом описана трагическая одиссея Николая II и его семьи, начиная с первых раскатов Февральской революции и кончая трагедией в Екатеринбурге.

По словам жены историка П.Е. Мельгуновой-Степановой, первой книге трилогии «Легенда о сепаратном мире» историк «придавал особое значение». Работая над ней в годы Второй мировой войны, «последний раз он исправил, дополнил и тщательно проверил всю

¹ Подробнее о жизненном и творческом пути историка см.: *Дмитриев С.Н.* Крестный путь «тринадцатого императора». Об историке Мельгунове и его книге. – Мельгунов С.П. Судьба императора Николая II после отречения. М., Вече, 2006. С. 3—34.

рукопись летом 1955 г. в первые месяцы болезни». Впервые книга увидела свет в 1957 году, уже после смерти историка.

Мельгунов еще в 1931 году издал свой труд «На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года», в котором описал, какая паутина заговоров плелась в России против Николая II и какую роль играли в них масоны. Однако в этой книге, сосредоточившись прежде всего на описании хроники и методов действий заговорщиков, он вообще не коснулся вопроса о тех мифах и легендах, которые сформировались в российском обществе не без участия этих же самых заговорщиков и которые сыграли заметную роль в будущем крушении монархии. Этой теме он и посвятил свой труд «Легенда о сепаратном мире».

По сути дела, историк поставил перед собой задачу разобраться в том, имела ли под собой эта легенда хоть какое-либо основание, откуда она появилась, как распространялась и какое значение имела в борьбе политических сил накануне Февраля. Начинает он с «пробных шаров немцев», которые действительно с 1915 года, понимая всю сложность дальнейшей борьбы на два фронта, хотели с помощью закулисных переговоров добиться выхода России из войны. И совершенно естественно, что они были первыми, кому было выгодно всячески раздувать слухи о том, будто бы переговоры о заключении сепаратного мира уже ведутся, тем самым не только вызывая антиправительственные настроения в России, но и вбивая клин в отношения союзников по Антанте.

Важно понять, что все эти фантастические слухи и домыслы ложились на почву массового психоза шпиономании, измены и предательства, которая сложилась в России с самого начала Первой мировой войны. Вспомним хотя бы, какая истерия поднималась тогда вокруг немецких фамилий, которые были весьма распространены в правящих кругах и в сфере российского бизнеса. Апофеоз этих настроений привел даже к массовым немецким погромам в Москве в 1915 году.

Рассматривая самые первые сведения о слухах вокруг сепаратного мира, историк приводит письмо Александры Федоровны Николаю II от 14 июня 1915 года, в котором сообщалось о встрече французского посла Палеолога с великим князем Павлом: «...Недавно у него обедал Палеолог и имел с ним долгую интимную беседу, во время которой он очень хитро старался выведать у Павла, не имеешь ли ты намерения заключить сепаратный мир с Германией, так как он слышал об этом здесь, и во Франции распространился об этом слух... Павел отвечал, что он уверен, что это неправда, тем более, что при начале войны мы решили с нашими союзниками, что мир может быть подписан только вместе, ни в коем случае сепаратно. Затем я сказала Павлу, что до тебя дошли такие же слухи насчет Франции. Он перекрестился, когда я сказала ему, что ты и не помышляешь о мире и знаешь, что это вызвало бы революцию у нас – поэтому-то немцы и стараются раздувать эти слухи. Он сказал, что слышал, будто немцы предложили нам условия перемирия. Я предупредила его, что в следующий раз он услышит, будто я желаю заключения мира».

Александра Федоровна оказалась совершенно права: дальнейшие события показали, что именно против нее будет направлено главное острие легенды о сепаратном мире, причем поводом для раздувания этой легенды станут самые разные события: от свиданий ее с иностранцами до переписки с влиятельными лицами. Показательна история с приездом из Австрии и Германии в Россию в декабре 1915 года фрейлины М.А. Васильчиковой, которая якобы сделала это с санкции императрицы, действовавшей в «полном контакте» со своим братом великим герцогом Гессенским для прощупывания почвы по поводу заключения мира с Германией. На самом деле Васильчикова за ее возмутительную миссию вообще не была принята в Царском Селе, ее лишили звания фрейлины и выслали в Черниговскую губернию в имение сестры. Между тем этот приезд долго еще был главным поводом для слухов о предательстве императрицы.

Историк неоднократно, на основе многочисленных документов доказывает, что в тот период Романовы «с искренним негодованием отрицали самую мысль о возможности сепарат-

ного мира». Например, в письме к жене от 9 сентября 1915 года из Ставки царь писал следующее: «Здесь я могу судить правильно об истинном настроении разных классов народа: все должно быть сделано, чтобы довести войну до победного конца, и никаких сомнений на этот счет не высказывается». Причем цели войны, в том числе задача «водрузить крест православия на куполе Святой Софии в Константинополе» прямо, вытекали из тех имперских задач укрепления России, которые были сформулированы царем еще накануне Русско-японской войны 1904—1905 годов. Как записал тогда в дневнике военный министр А.Н. Куропаткин свою беседу с С.Ю. Витте, «у нашего Государя грандиозные в голове планы: взять для России Манчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы... Мы министры... задерживаем Государя в осуществлении его мечтаний и все разочаровываем, он все же думает, что он прав, что лучше нас понимает вопросы славы и пользы России...»

При таких устремлениях Николая II совершенно очевидно, что никакой мир с ненавистным врагом Отечества был для него просто невозможен. Тем более что такие же «агрессивные устремления» поддерживали в тот период даже либеральные политики, утверждавшие, что «русский народ не примет мир, который не даст Константинополя России». Несмотря на скрытое противодействие этим устремлениям союзников по Антанте, Николай II был тверд в своей вере в победу. Ему вторила Александра Федоровна, писавшая в письме мужу: «О, что за великий день, когда будет отслужена опять обедня в Св. Софии... Только ты дай приказание, чтобы не разрушалось и не портилось ничего, принадлежащего магометанам. Мы должны уважать их религию, так как мы христиане, слава Богу, а не варвары». (Прочитали бы эти слова американские политики, проводящие сегодня в Ираке совсем другую политику!)

Историк опровергает в книге ключевое утверждение о том, будто отстранение с поста Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и взятие на себя этого бремени самим царем явилось якобы первым этапом в подготовке сепаратного мира. Он доказывает, что этот шаг был вызван необходимостью предотвратить неразбериху и «административный хаос» в стране, который вызывался явным «деспотизмом» Ставки под руководством Николая Николаевича. Двоевластие Ставки и Совета Министров был положен конец в августе 1915 года, что не могло не сказаться в итоге положительно на ситуации в стране. Историк приводит немало свидетельств того, как сумасбродные действия «ретивых генералов», вплоть до «взятия заложников из раввинов и богатых евреев» с целью повесить их в случае поддержки немецкого наступления еврейским населением или желания генералов сдать Киев, «расшатывали лодку» России.

Историк показывает, что главным в решении царя «принять на себя моральную ответственность за ход войны» было действительно «выполнение долга»: «Пусть я погибну, но спасу Россию», – так сказал император М.В. Родзянко, когда тот запугивал его мрачными перспективами для России, и «другого выхода в тогдашней обстановке у царя не было», – констатировал историк.

Значительную часть своей книги С.П. Мельгунов посвятил тому, чтобы разбить примитивную и грубую тезу об изначальной как бы «измене тайной германофилки» Александры Федоровны. Эта женщина, оставшаяся, по словам историка, «в душе немкой», с полным правом писала мужу: «...Ты знаешь, мой друг, мою любовь к твоей стране, которая стала моей». Более того, по словам великой княгини Марии Павловны, Александра Федоровна – «страстная антинемка. Она отрицает за немцами всякое чувство чести, совести и гуманности». Ей вторил великий князь Андрей, записавший 11 сентября 1915 года: «Можно безусловно утверждать, что она решительно ничего не сделала, чтобы дать повод заподозрить ее в симпатии к немцам, но все стараются именно утверждать, что она им симпатизирует...»

Сама царица в своем восторженном отношении к России однажды даже назвала «ско-тами» тех, кто упорно называл ее «немкой». Ее переписка с мужем просто пестрит местами,

доказывающими особое понимание Александрой Федоровной своей миссии, как «матери России»: «Да я более русская, нежели многие иные», – гордо заявила она в сентябре 1916 года.

Касается историк в своей книге и такого щепетильного вопроса, как влияние на царицу Г.Е. Распутина. Мельгунов не скрывает, что преклонение Александры Федоровны перед «Божьим человеком», «Нашим Другом» действительно было, и мнения этого «посланника Бога» не могли не оказывать на нее сильное воздействие. Но историк решительно отвергает домыслы, что именно через «германофила» Распутина шло влияние германской агентуры на царскую семью и что тот якобы постоянно давал царице «стратегические советы», которые потом облекались в военные решения Верховного главнокомандующего. Как правило, эти советы носили «малопонятные, символические формы» и не выходили за пределы общих сентенций. Даже летом 1916 года, в период Брусиловского наступления, когда царица трижды ездила к мужу в Ставку, ее желание не форсировать дальше наступление было вызвано отнюдь не стремлением подыграть немцам, а лишь желанием «избежать больших потерь»: «... Можно бешено наступать и в 2 месяца закончить войну, но тогда придется пожертвовать тысячами жизней, а при большей терпеливости будет та же победа, зато прольется значительно меньше крови», – писала она мужу. Историк прав, что в рекомендациях Распутина и царицы «гораздо больше претворялись советы и директивы, которые являлись откликами борьбы разных течений в военных кругах Петербурга» и союзнических миссий, а не злокозненные действия «германофилов».

Весьма существенно, что «высказывая в письмах мужу свои предложения и соображения, Александра Федоровна часто натывалась на твердость царя, имевшего свою точку зрения и не желавшего идти на поводу советов Распутина. Показательна фраза из письма Николая II супруге по поводу отставки министра внутренних дел А.Д. Протопопова: «Только прошу тебя, не вмешивай нашего Друга. Ответственность несу я, и поэтому я желаю быть свободным в своем выборе». Историк далее неоднократно опровергает утверждение, что «фактически Россией управляла» Александра Федоровна.

Как свидетельствует историк, ссылаясь на донесение Департамента полиции в феврале 1916 года, именно в это время в общественном сознании «прочно укоренилась вздорная мысль, что Правительство ищет путей к заключению сепаратного мира с Германией, и что вдохновительницей этого дела является “немка” на престоле». Истоки этой легенды, рожденной «психологией современников», историк еще раз находит в чрезвычайной активности германских властей, разыгрывавших карту «сепаратного мира» в своих интересах. И здесь он вскользь касается одной тайны, которая нашла освещение в его труде «“Золотой немецкий ключ” к большевистской революции», изданной впервые в Париже в 1940 году и переизданной недавно в России в составе его книги «Как большевики захватили власть» (М., Айрис-пресс, 2005). Речь идет о сотрудничестве германских властей с большевиками и финансировании их революционной деятельности, направленной на захват власти и последующий вывод России из состояния войны с Германией.

Получается весьма оригинальная картина: сотрудничая с большевиками и планируя подспудно в случае их победы грядущий сепаратный мир с новой властью, одновременно германские политические круги раздували в самой России миф о готовящемся якобы царским правительством сепаратном мире. «Вор сам кричал “держите вора” и отвлекал тем самым внимание пострадавших!» А пострадала в итоге от этих маккиавелевских приемов многомиллионная страна. Последовавший в феврале революционный взрыв в идейно-психологическом смысле во многом опирался на легенду о предательстве царской власти и привел в конце концов к ослаблению страны, ее боеспособности и бессилию Временного правительства, у которого бразды правления перехватили большевики. Заключив «похабный» Брестский мир, они выполнили свое обещание о прекращении «империалистической» войны.

Мельгунов, упомянув о связи «немецкой пропаганды в пользу сепаратного мира» с усилиями «пацифистов» и «революционеров» за границей, назвал эту связь «не написанной еще потайной страницей в истории мировой войны, расшифровать которую полностью за отсутствием материала еще трудно». Он надеялся, что эти «закулисные интимности» когда-нибудь вскроются, мы же можем сегодня констатировать, что во многом «завеса таинственности» еще скрывает затронутую историком тему и серьезные исследования ее еще впереди.

Наивно было бы думать, что только усилиями германских властей миф о сепаратном мире укоренился в предреволюционном общественном сознании. Значительную роль в этом сыграли либеральные политики и заговорщики. Фактически все основные тезисы данного мифа системно изложил в своей речи 6 сентября 1916 года в Москве на секретном совещании думских деятелей не кто иной, как лидер кадетов П.Н. Милюков, договорившийся до того, что царизм «явно стремится вызвать общую смуту», разжечь в стране революцию и заключить на этом фоне сепаратный мир. В завуалированной форме он повторил эти же тезисы в своей известной речи в Государственной думе 1 ноября 1916 года. Слово «измена» звучало в ней неоднократно. Показательно отношение к этой речи генерала В.И. Гурко, протестовавшего против обвинения в измене: «Пускать мысль об измене есть увеличение смуты в стране... Масса схватывает общий тон. Впечатление получится: во главе России предатели, и поэтому будем их изгонять».

Любопытно, что либеральные политики того времени сами боялись революции, были заинтересованы в «верхушечном» перевороте, но объективно делали все, чтобы «раскачать лодку». Помогали им в этом многие представители генералитета и даже высшей российской аристократии, замешанные в заговорщических действиях и ошибочно считавшие, что только ограничение царской власти или даже ее свержение позволит «довести победу до конца». На самом деле, когда «лодка» все-таки опрокинулась, они уже вскоре ощутили, что страна несется в «неуправляемом потоке революционной лавы» к бездне. Как утверждал историк, «в грозное время войны они наносили непоправимый удар той самой монархии, от которой ждали добровольной уступки общественному мнению во имя национального объединения, являвшегося в их глазах залогом победы... Гнусное слово “измена”, брошенное без учета отзвука в России и за границей, могло способствовать лишь тому, что ров между верховной властью и общественной оппозицией, действительно, стал непроходим».

Неоднозначную позицию по поводу легенды о сепаратном мире занимали и союзники России по Антанте, которые, несмотря на все свои заверения, отнюдь не хотели усиления России и по-прежнему были не прочь «вести войну до последней капли крови русского солдата». Оправдывая свое «боевое бездействие», они часто сами «муслировали молву» о мифическом сепаратном мире, а сами тем временем за спиной России вели тайные переговоры с Германией (это потом вновь повторится в 1945 году!). Любопытна отсылка Мельгунова к воспоминаниям французского премьер-министра Р. Пуанкаре, который признавался, что он вел с бельгийским королем Леопольдом переговоры на тему о возможности исхода войны, при котором «Россия понесет на себе все последствия войны». (В итоге так и получилось: достаточно сказать, что Германия после поражения в войне выплатила Франции контрибуцию *русским золотом*, которое в размере 93,5 тонны поступило в Германию в сентябре 1918 года от большевиков согласно секретным протоколам к Брестскому миру.)

Как все повторяется в истории нашего Отечества: союзники в двух мировых войнах пытались переложить на нашу страну основное бремя несения войны, будучи при этом не прочь изменить характер верховной власти в России – СССР, не важно – касается это царизма или коммунистического правительства. И какую одинаковую твердость проявляли в этих войнах верховные главнокомандующие, не шедшие на уступки врагу. Показательны воспоминания посла Великобритании в России Д.У. Бьюкенена, который привел слова Николая II, что он «никогда не заключит мир, покуда хоть один вражеский солдат будет находиться на русской

земле... что никто не заставит его пощадить Германию, когда наступит время для мирных переговоров». Тот же Бьюкенен, уговаривая Николая II в октябре 1916 года согласиться с присылкой на русский фронт японских войск с компенсацией этой помощи передачей Японии северной части Сахалина, услышал в ответ, что «об этом не может быть и речи», так как царь «не уступит ни единой пяди русской земли».

Рассматривая в книге детально и последовательно события в России в 1916 – начале 1917 года, Мельгунов останавливается и на министерской чехарде, потрясавшей основы государства, и на надуманных примерах «склонности власти к сепаратному миру», и на убийстве Распутина, и на составлении портретов тех, кто составлял якобы клику «Божьего человека», и на нараставшей слабости власти, и на последних событиях, предшествовавших Февральской революции. Из этой яркой и увлекательной мозаики, напоминающей часто остросюжетный детектив, вырисовывается очень сложная картина предреволюционного состояния страны, когда все кругом бурлило и клочкотало. Автор не снимает ответственности за все, что происходило в стране, с Николая II и его правительства, показывая их явные ошибки и недочеты. Но в то же время он осуждает те настроения психоза и предстоящей катастрофы, которые сложились в обществе и создавали иллюзию, что страна действительно находится на краю пропасти. Между тем этот пессимизм совсем не соответствовал реальной обстановке. Не кто иной, как У. Черчилль, писал, что Россия вступала в 1917 год «не только не побежденной, но и сильнейшей, чем когда-либо», о чем свидетельствовало состояние ее армии и экономики. На грани военного разгрома находилась, наоборот, Германия. Но вот парадокс истории – «гром грянул» именно в России. И это еще раз подчеркивает важность общественных настроений, психологического настроя людей в период революционных коллизий.

По сути дела, события 1915—1917 годов – это один из самых ярких примеров того, как манипуляция общественным сознанием, широкая и разносторонняя пр-кампания, если говорить современным языком, могут подорвать основы казалось бы нерушимой империи. Не такой ли точно сценарий привел через 70 с лишним лет к гибели еще одной великой империи, правда, уже с другим идеологическим знаком? Насколько же осторожны должны быть россияне и в будущие годы, грозящие России новыми потрясениями, ведь врагов и недругов у нее не стало меньше, а новые легенды и мифы уже витают на просторах родного Отечества...

Надеемся, что фундаментальный труд Мельгунова, впервые представляемый вниманию российских читателей, позволит по-новому взглянуть на ключевую для истории России эпоху Первой мировой войны и крушения монархии. Согласимся с выводом историка, что «с легендой о сепаратном мире, порожденной общественной возбужденностью военного времени... навсегда должно быть покончено. Оклеветанная тень погибшей Императрицы требует исторической правды. Александра Федоровна хотела быть добрым ангелом-хранителем монархии и сделалась ее злым гением. Это факт, который отрицать нельзя, но в тяжелую годину испытаний и она, и сам Царь Николай II с непреклонной волей шли по пути достижения достойного для страны окончания войны».

Такое же достойное поведение Николай II и Александра Федоровна проявили и в последующие драматические месяцы, завершившиеся трагической развязкой и описанные во второй и третьей книгах трилогии С.П. Мельгунова «Революция и царь». Историк, написав этот главный труд в своей жизни, отдал дань последним венценосцам России, искупившим своим мученическим подвигом многие грехи представителей династии Романовых, более трех веков правивших великим государством.

*С.Н. Дмитриев, кандидат исторических наук,
февраль 2006 г.*

Автор придавал особое значение «Легенде о сепаратном мире» и работал над нею в течение Второй мировой войны. В последний раз он исправил, дополнил и тщательно проверил всю рукопись летом 1955

г. в первые месяцы болезни. В этой его собственной редакции «Легенда о сепаратном мире» ныне и выходит в свет.

П. Мельгунова

Август 1957 г.

«Легенда о сепаратном мире»

является первой частью трилогии «РЕВОЛЮЦИЯ И ЦАРЬ». Архитектонику и внутреннюю связь трилогии автор пояснил в предисловии («от автора») к третьей заключительной ее части, вышедшей в 1951 г. под заглавием «Судьба Императора Николая II после отречения» в изд-ве «La Renaissance», Париж. Вторая часть трилогии «Мартовские дни 1917 года», посвященная анализу революционных событий, приведших к отречению имп. Николая II, печаталась в журнале «Возрождение» в тетрадях с 12-й по 31-ю вкл. (1951—1954 гг.), затем в «Русской Мысли» (№ 642, 643 и 644), но не закончена печатаньем. Полностью она должна выйти отдельной книгой, как вышеуказанные две.

Введение

В Чрезвычайной Следственной Комиссии, созданной в марте 1917 года Временным Революционным Правительством для расследования «преступлений» деятелей старого порядка, имелось и следственное делопроизводство о носителях верховной власти, сошедшей после февральского государственного переворота с исторической сцены². Непосредственно Чр. След. Комиссия никогда не рассматривала дела о монархе или его жене хотя бы в пределах собранного следователями материала применительно к ст. 108 Угол. Ул., которая предусматривала деликты, характеризуемые словом «измена», т.е. тем словом, которое было перед революцией даже в отношении верховной власти на устах многих не только в обывательской массе, но и среди политических деятелей.

В вводных главах своей книги «На путях к дворцовому перевороту», характеризуя общественную психологию того времени, я старался показать, как параллельно с ростом военных неудач на фронте и обнаружившейся неподготовленностью России к войне, рассеивалась атмосфера «общего единения» с лозунгом «Царь и народ» и патриотическими манифестациями, захватившими и среду интеллигенции. Шовинистический угар, всегда далекий от подлинного и здорового национализма, породил своего рода психоз шпиономании, на почве которой выросло традиционное, но не имевшее конкретного содержания слово «измена». Этот подлый термин давно следовало бы совершенно исключить из политического лексикона, ибо он решительно препятствует объективной оценке подлинного отношения современников к войне³. В условиях русской действительности 1915—16 гг. общественная политика, претендовавшая на безошибочное определение национальных интересов страны в соответствии со своей догмой, легко сделала «измену» синонимом идеи «сепаратного мира» и зачисляла в ряды «пораженцев» всех тех, кто имел смелость говорить во время войны, по выражению дневника писательницы Гиппиус, что-либо другое, кроме «полной победы». Отсюда был один только шаг для создания легенды о подготовке в России правительственными кругами сепаратного мира с Германией – легенды, которая получила самое широкое распространение накануне революции.

Умиравший Витте не был, конечно, одинок в рядах правившей бюрократии, когда считал войну с Германией «безумной» и говорил о необходимости ликвидировать возможно скорее «нелепую авантюру» – это сказал он французскому послу в Петербурге Палеологу еще при возвращении своем из Биарица ранней осенью 1914 года. Витте считал, что разгром Германии неизбежно повлечет за собой провозглашение республиканского принципа в Центральной Европе, что означало ликвидацию монархии в России. В Германии он видел естественную союзницу России. По его мнению, лишь тройственное франко-германо-русское соглашение может гарантировать предотвращение европейской катастрофы⁴. Витте, очевидно, не скрывал своих мнений – недаром французский посол жаловался министру ин. д. Сазонову на «интриги» Витте в пользу мира и настаивал даже на исключении бывшего председателя правительства из состава членов Государственного Совета⁵.

² См. главу «Муравьевская Комиссия» в моей книге «Судьба императора Николая II после отречения».

³ В какие уродливые и безобразные формы мшеница может выливаться слишком широкое применение подобной терминологии, мы могли видеть на практике в дни Второй мировой войны в такой, казалось бы, передовой и внешне демократической стране, как Франция.

⁴ По словам кн. Жевахова, будущего тов. обер-прокурора Синода, старый Витте (он с ним встретился в момент объявления войны при возвращении в Россию через Италию) так был взволнован нарастающими событиями «бессмысленной войны», влекущей за собой революцию в Германии, а потом в России, что «расплакался, как ребенок».

⁵ Очень, конечно, сомнительна информация Палеолога о том, что Витте в своей агитации доходил до таких пределов, что в декабре посетил японского посла с целью предупредить его об опасности посылки японских войск на континент ввиду неизбежности победы Германии. Это Палеолог записал со слов виконта Монтоноги через два года.

Немецкие мемуаристы-дипломаты в среду противников войны перед катастрофой зачисляли Коковцева и Кривошеина, также считавших, что война может закончиться гибелью «трех великих династий». «Германофилом» в этом отношении был и кн. Оболенский, обер-прокурор Синода в кабинете Витте и автор манифеста о политических свободах 17 октября 1905 г. (свидетельство Гурко). Набоков (дипломат) вспоминает, как член Гос. Совета, бар. Розен, бывший русский посол в Вашингтоне, в Лондоне в 1916 г. с «горячей убежденностью» доказывал ему, что «Германию победить нельзя», что все «мечты о Константинополе – мираж» («глупость», по выражению Витте), что союз России с Англией и Францией «фатальная ошибка», и что «Америка права, воздерживаясь от участия в бессмысленной бойне, которая ни к чему, кроме крушения Европы, привести не может». Это был человек, в котором Набоков «ценил и уважал живость ума, огромный опыт и убежденность». Позже Розен выступил в печати и издал свои воспоминания.

Возможно, что все подобные оценки, реалистичные в своей основе, могли быть глубоко ошибочны и даже наивно непредусмотрительны. Они были популярны до войны в консервативных кругах – припомним известную записку Дурново (февраль 1914 г.) о противоестественности для России союза с демократической Антантой. Думский «златоуст», депутат В. Маклаков с тем же искренним упорством будет говорить с кафедры Гос. Думы 3 ноября 1916 г., что русский народ никогда не простит мира позорного – мира в ничью. Маклаков вместе с тем был убежден, что будущий мир сделает такую Европу, что война будет невозможна (речь в петербургской городской Думе 3 мая 1916 г. на чествовании французских делегатов Вивиани и Тома). Очевидно, однако, что в рассуждениях хотя бы Розена не было признаков того «изменнического» элемента, который с такой убежденностью изыскивали во время войны обостренные националистические чувствования. Если одних ход войны взвинчивал в сторону настроений Маклакова, то других, независимо от антантофильства или германофильства, должен был толкать к пессимизму Розена.

Страна, действительно, не может идти на самоубийство во имя выполнения принятых на себя союзных обязательств. История последних двадцати пяти лет⁶ с чрезвычайной наглядностью подтвердила правильность тезиса, некогда выставленного реальным политиком Бисмарком – рыцарская жертвенность несовместима с национальными интересами уже в силу того, что международная политика, даже облеченная в форму отвлеченных принципов права и свободы, руководится до днесь в большей степени реалистическими соображениями национального эгоизма. Вовсе не надо быть «марксистом», прошедшим большевистскую школу, для того, чтобы признать незыблемость подобного утверждения: автократические режимы и режимы демократические мало в чем отличаются в этом отношении. Война 1914 г., положившая начало европейской катастрофе, дает бесконечное количество примеров. Подневные записки французского посла Палеолога и дневник нашего министерства ин. д. (составлен, очевидно, начальником канцелярии бар. Шиллингом) непосредственно вводят нас в эту дипломатическую кухню, где каждодневно делится шкура не убитого еще медведя, где выдают «призы» за участие в мировом катаклизме, компенсируют территориальными приобретениями возможных союзников в борьбе (как то было на Балканах) и т.д. Трудно найти более яркую иллюстрацию, чем ту, которую представляет обращение бельгийского посланника 17 июля 1915 г. в русское министерство ин. д. за поддержкой против домогательства Франции присоединить к себе в будущем Люксембургское герцогство, т.е. тот Люксембург, грубое нарушение нейтралитета которого немцами вызвало в начале войны всеобщее общественное негодование и сделало маленькую герцогиню с ее символистическим протестом даже героиней дня⁷.

⁶ Книга моя писалась в годы последней войны.

⁷ В книгах «Политика Романовых» и «Крушение монархии». В эмигрантской литературе материалы и выводы Семенникова изложил Чернов в своем труде «Рождение революционной России», пользуясь, однако, позднейшим сокращенным изданием первой книги Семенникова «Романовы и германское влияние».

В плоскости этих грубых материальных отношений и надлежит рассматривать вопрос о сепаратном мире – зарождение мысли в некоторых общественных кругах о необходимости выхода России из войны. Стоял ли, однако, перед Россией этот вопрос в сознании носителей верховной власти? Если вслушаться в речи оппозиционных режиму дореволюционных политиков, то может показаться на первый поверхностный взгляд, что страна действительно находилась на краю пропасти. Такое настроение символистически можно представить словами, будто бы сказанными лидером «октябристов» Гучковым в августе 1915 г. – с большим волнением и со слезами на глазах: «Россия погибла. Нет больше надежд». Так вновь записал Палеолог со слов Брянчанинова, говорившего ему о государственном перевороте, как о последнем шансе спасения. В таких же выражениях секретные агенты передавали и впечатления видного промышленника Рябушинского после поездки на фронт: «Россия на краю гибели: еще немного, и будет поздно». Много раз нам придется отметить, что подобный пессимизм, вызванный обостренным чувством современников и, вероятно, преувеличенный в беседе с французским послом, не соответствовал реальной обстановке. Во всяком случае, он был совершенно чужд имп. Николаю II вплоть до трагических для власти предреволюционных дней: ему всегда казалось, что в России все в общем благополучно. «Единственное исключение, – как выразился он в письме к жене 9 сент. 1915 г., – составляют Петроград и Москва – две крошечные точки на карте нашего отечества». При таком восприятии не могла в мозгу родиться даже мысль о сепаратном мире – «позорном» для престижа верховной власти, которой руководит Божественное Провидение. В мистической концепции имп. Александры Федоровны, сливавшей национальный интерес с династическим, честь и «прерогативы самодержца» стояли еще выше: «Это должна быть *твоя* война, *твой* мир, слава *твоя* и нашей страны», – писала она 17 марта 1916 г.

И тем не менее вокруг этих имен сплелась паутина сепаратного мира. Чрезв. След. Комиссия должна была в ней разобраться; поскольку данные о ее работе опубликованы, можно сказать, что она не сумела этого сделать – может быть, и не могла. За нее произвел такую работу советский историк Семенников, пользуясь в значительной степени тем «романовским архивом», который фактически был в распоряжении Чр. След. Ком. Семенников собрал почти исчерпывающий материал о сепаратном мире в дореволюционное время⁸. Ниже мы отметим ту группу материалов (скорее пока еще намеки), которую исследователь оставил совершенно в стороне и, очевидно, сознательно – но, конечно, далеко не со всеми его выводами, подчас слишком прямолинейными, узко догматическими, можно согласиться: точнее, из материалов, собранных автором в общем добросовестно, следуют выводы противоположные.

По существу мне нечего добавить к итогам о «сепаратном мире», подведенным в моей книге «На путях к дворцовому перевороту». По отношению к Царю и Царице дореволюционная легенда должна быть отнесена к числу грубых и сугубо несправедливых клевет, демагогически использованных в свое время в политической борьбе с режимом; никаких шагов к заключению сепаратного мира царское правительство не делало; никаких центров или организованных общественных групп, осуществлявших заранее установленный план заключения мира с Германией, в дореволюционное время не существовало, и никаких ответственных переговоров за кулисами по этому поводу не велось. Естественно, что индивидуальные мнения – их можно, конечно, зарегистрировать, поскольку они не выходили за пределы частных разговоров, – в данном случае нас интересовать не могут.

⁸ Письмо Васильчиковой косвенно как бы подтверждало информацию, полученную в Петербурге министром иностранных дел еще в декабре. Так, Сазонов тогда телеграфировал русскому послу в Париже Извольскому: «Сюда также доходят слухи о возможной попытке Австрии заключить отдельный мир, но пока эти слухи еще весьма неопределенны, и их подтверждение представляется гадательным. Во всяком случае, почин подобных переговоров должен принадлежать Австрии, и нам необходимо будет выслушать ее предложение прежде, чем установить наши условия». Иностранные дипломаты спешили предупредить события, и греческий посланник в Петербурге в конце того же декабря, со слов своего сербского коллеги, сообщал в Афины Венизелосу, что в Ставке в связи с прибытием председателя Совета министров Горемыкина происходило обсуждение вопроса о сепаратном мире с Австрией, по условиям которого Россия получала Галицию и проливы.

Когда признанный вожь тогдашней «революционной демократии» Церетели в 1917 г. на августовском Государственном Собрании в Москве говорил: «Если бы не было революции, был бы сепаратный мир». – он безответственно повторял лишь стоустую, ходячую, дореволюционную молву. К сожалению, через много лет в эмиграции, игнорируя опубликованные ныне материалы, повторил эту легенду на одном из своих публичных выступлений Керенский, бывший генерал-прокурор Временного Правительства первого состава, подлинный творец Чр. Сл. Комиссии, занявший затем пост главы государства. Член того же коалиционного правительства, при котором рассматривалось царское дело и решалась судьба бывших венценосцев, в своей книге о происхождении революционной России без критики подошел к материалам и выводам советского исследователя. Книга Чернова появилась в 1934 г. Очевидно, не удалось еще окончательно похоронить в сознании современной нам общественности старый миф – так силен еще дореволюционный гипноз. Приходится поэтому полностью пересмотреть те факты, на основе которых обывательскую легенду все же пытаются превратить в исторический факт.

Глава первая. Пробные шары немцев

Поставим себе задачу критически просмотреть в большем или меньшем хронологическом порядке имеющиеся в нашем распоряжении данные, на которых базируется легенда о подготовке верховной властью сепаратного мира с Германией. Обзорение это надо начать с неофициальных предложений, шедших из вражеского лагеря и имевших целью закулисными переговорами добиться выхода России из международной игры. Инициатива такого планомерного натиска исходила если и не непосредственно от германского верховного штаба, то встречала, очевидно, его полное сочувствие.

1. Русская посредница (Письма Васильчиковой)

Русское общество, питавшееся во время войны в значительной степени слухами, до прославленной речи Милюкова в Гос. Думе 1 ноября 16 г., знало только об одном факте – о приезде в Петербург в декабре 15 г. из Австрии фрейлины Васильчиковой, выступившей в изображении тогдашних газет в роли передатчицы предложения о сепаратном мире. В действительности же этому приезду предшествовали три письма Васильчиковой, обращенные к Государю, – два из Австрии, 28 февраля и 17 марта, и третье – 27 мая из Берлина. В первом Васильчикова в самых общих чертах писала, что ее посетили три влиятельных лица (два немца и один австриец), не принадлежавшие к составу дипломатического корпуса, но находившиеся в сношении с царствовавшими представителями Австрии и Германии. Эти люди просили довести до сведения Царя ту беседу, которую они имели с находившейся более или менее в «плёну», в своем имении в Земмеринге близкой русской царской семье фрейлиной. Васильчикова обращалась к русскому царю («сильнейшему властителю»), как к инициатору Гаагского мирного конгресса, с призывом своим «могучим словом» остановить пролитие крови, пока еще воюющие стороны находятся в одинаковом военном положении. Она писала, что ни в Австрии, ни в Германии нет «никакой ненависти против России», и что на ее вопрос о Дарданеллах собеседники ответили: «Стоит русскому царю пожелать, проход через проливы будет свободен». 17 марта по просьбе тех же лиц Васильчикова вновь повторяет содержание первого письма, не будучи уверенной в том, что письмо дошло по назначению. «Мы просим русского Государя, не побежденного, а победителя (после взятия Пржемышля) в качестве такового произнести слово мир, и ему пойдут всячески навстречу – и вопрос о Дарданеллах будет решен, конечно, не в пользу Англии, а России» – передавала Васильчикова слова своих собеседников. Перед тем она сообщала, что из секретнейшего источника известно, что Англия намерена себе оставить Константинополь и создать на Дарданеллах новый Гибралтар...

27 мая, т.е. больше чем через два месяца, Васильчикова писала уже из Берлина, что ее посетил министр ин. д. фон Ягов, которого она давно знает и который просил ее сообщить Царю, что Германия «искренне желает прекратить войну»: мир «вопрос жизни и смерти для обеих стран». «Оба соседние царствующие дома должны поддержать свои старые монархические и дружественные традиции». Продолжение войны считают здесь «*опасным для династии*». Политическими заправками войны являются франкмасоны, радикалы и *tutti quanti*, цель которых низвергать троны. Россия выиграет гораздо больше, если она заключит «выгодный мир» с Германией, даже и в вопросе о Дарданеллах, ибо Англия, «несмотря на все свои обещания», никогда не позволит оставить Константинополь во власти России. Свидевшись с находившимся в плену племянником, Милорадовичем, Васильчикова с его слов передавала, что англичане, не стесняясь, говорят, что «как только будет мир, мы немедленно заключим союз с Германией, чтобы напасть на Россию». (Недаром Хомяков говорил про Англию – «коварный Альбион».) Васильчикова виделась с вел. герцогом Гессенским. «Лишнее говорить, – добавил автор письма, – с какой любовью он говорил про Вас и Императрицу и как искренне он желает мира и как радовался, что ф. Ягов решился со мной высказаться». «Это письмо будет доставлено в Царское Село, – заключала Васильчикова, – и передано дежурному флигель-адъютанту для передачи в собственные руки Вашего Величества. Смею просить приказать мне дать ответ, который могу передать ф. Ягову. Я буду его здесь ждать, а потом, увы, должна вернуться в Klein Vortenstein, который до окончания войны не имею права покинуть. Если Ваше Величество решит с высоты Вашего престола произнести слово мир, Вы решите судьбу народов всего мира, и если Вы пришлете доверенное лицо, одновременно такое же лицо будет послано отсюда для первых переговоров».

На первые два письма Васильчикова не получила никакого отклика, – это ясно из ремарок третьего письма. Ясно и то, что не реагировали и на третье письмо, так как приезд Васильчиковой в Петербург произошел больше чем через полгода и связан был со смертью ее матери. На основании царской интимной переписки можно утверждать лишь одно – первое письмо, адресованное через Ал. Фед., дошло по назначению. В письме 9 марта Ал. Фед. писала мужу в Ставку: «Посылаю тебе письмо от Маши (из Австрии), которое ее просили тебе написать в пользу мира. Я, конечно, больше не отвечаю на ее письма». Никаких дальнейших комментариев нет в письме, где выражается восторг по поводу взятая Перемышля: «Я так счастлива за тебя». «Хорошо представляю себе всеобщий восторг и благодарность» – шлет Царица дополнительную телеграмму, передающую и ее собственное повышенное настроение⁹. Важно отметить, что имп. Николай II, вопреки существующим в литературе утверждениям, из письма Васильчиковой никакого строжайшего «секрета» не сделал. Он передал письмо Сазонову, что совершенно определенно подтверждается письмом кн. Кудашева (представителя мин. ин. д. в Ставке) Сазонову 25 марта, которое передает разговор Кудашева с вел. кн. Ник. Ник.: «Осведомляя Вел. кн. о слухах, касающихся мира, Кудашев прибавил, что Сазонов не придал “слишком большого значения” переданному ему Государем письму, так как было слишком много намеков»¹⁰. Осведомлен был и военный министр Сухомлинов, занесший в дневник 24-го марта, что Вильгельм «закидывает удочки через лиц, находящихся за границей и близких Государю». Однако Царь «выразил твердую решимость довести дело до конца и не поддаваться ни на какие уступки...» Осведомлен был и русский посланник в Швеции Неклюдов.

⁹ Настроение самого Царя чрезвычайно отчетливо вырисовалось в ответном письме: «Падение этой крепости имеет огромное моральное военное значение. После нескольких унылых месяцев эта новость поражает, как неожиданный луч яркого солнечного света как раз в первый день весны! Я начал письмо в спокойном состоянии, но теперь у меня в голове все перевернулось вверх дном... О, моя милая, я так глубоко счастлив этой доброй вестью...»

¹⁰ Равным образом не делал Царь секрета из «пацифистского» письма, полученного им от кн. Гогенлоэ, бывшего в течение ряда лет военным атташе при австрийском посольстве в России и занимавшего в это время пост посла в Берлине. Гогенлоэ «внушал» Царю мысль послать доверительное лицо в Швейцарию для встречи с эмиссаром имп. Франца-Иосифа, так как легко найти основу для почетного мира... Николай II передал письмо Сазонову, который и ознакомил с его содержанием французского посла Палеолога.

2. Ходячая молва (Письмо принца Гессенского)

Между третьим письмом Васильчиковой и ее приездом в Россию прошло целых шесть месяцев. За это время были сделаны и другие попытки прощупать почву для возможного мира между Россией и Францией с Центральными Державами. Нас может интересовать лишь то реальное, что направлялось по адресу России. И здесь, конечно, останавливает внимание письмо принца Гессенского к сестре. О нем А. Ф. сообщила в Ставку мужу 17 апреля: «Я получила длинное, милое письмо от Эрни. Он пишет: “Если кто-нибудь может понять его (тебя) и знает, что он переживает, то это я...” Он стремится найти выход из этой дилеммы и полагает, что кто-нибудь должен был бы начать строить мост для переговоров. У него возник план послать частным образом доверенное лицо в Стокгольм, которое встретилось бы там с человеком, посланным от тебя (частным образом), и они могли бы помочь уладить многие временные затруднения. План его основан на том, что в Германии нет настоящей ненависти к России. Эрни послал уже туда к 28-му (2 дня тому назад, а я узнала об этом только сегодня) одно лицо, которое может пробыть там только неделю. Я немедленно написала ответ (все через Дэзи¹¹) и послала этому господину, сказав ему, что ты еще не возвращался, и чтобы он не ждал и что, хотя все и жаждут мира, но время еще не настало. Я хотела кончить с этим делом до твоего возвращения, так как знала, что тебе это было бы неприятно. В., конечно, ничего абсолютно об этом не знает¹². Все письмо очень милое и любящее. Оно меня очень обрадовало, хотя, конечно, вопрос о господине, который там ждет, а тебя здесь нет, был очень сложным. Э. будет разочарован».

К сожалению, письма принца Гессенского нет, очевидно, в «романовском архиве». Можно строить всякие догадки, но единственным фактом все-таки будет утверждение А. Ф. в письме к брату: «Хотя все и жаждут мира, но время еще не настало». Слухи рождались, ползли – иногда в атмосфере шпиономании и мерещившейся повсюду «измены» – совершенно фантастические, вплоть до таинственного посещения Царского принцем Гессенским. (Очевидно, получение письма не скрывалось от близкого придворного круга.) Французский посол направился к вел. кн. Павлу разузнать о настроениях. С ведома вел. кн. А. Ф. сообщала мужу 14 июня: «...Недавно у него обедал Палеолог и имел с ним долгую интимную беседу, во время которой он очень хитро старался выведать у Павла, не имеешь ли ты намерения заключить сепаратный мир с Германией, так как он слышал об этом здесь, и во Франции распространился об этом слух... Павел отвечал, что он уверен, что это неправда, тем более что при начале войны мы решили с нашими союзниками, что мир может быть подписан только вместе, ни в коем случае сепаратно. Затем я сказала Павлу, что до тебя дошли такие же слухи насчет Франции. Он перекрестился, когда я сказала ему, что ты и не помышляешь о мире и знаешь, что это вызвало бы революцию у нас – поэтому-то немцы и стараются раздуть эти слухи. Он сказал, что слышал, будто немцы предложили нам условия перемирия. Я предупредила его, что в сле-

¹¹ Принцесса Маргарита. Шведская королевская семья служила некоторою связью между родственниками по женским линиям, разделенными войной, и по вопросам о раненых и пленных. Вместе с тем король Густав также изыскивал «средства, могущие положить конец этой ужасной бойне». Он писал Николаю II 3 февраля: «Но я не представляю себе, каким путем этого можно достигнуть, и совесть моя побуждает меня сказать тебе, что в любой момент значительно позже, когда ты найдешь это удобным, я готов тебе всемерно служить в этом деле. Если эти строки заставят тебя призадуматься, я буду чрезвычайно счастлив и на всякий случай попрошу тебя написать мне несколько слов о том, как ты смотришь на мое предложение услуг. Я твердо верю, что из уважения к нашей старой дружбе ты не истолкуешь ложно мое настоящее письмо». Судя по второму письму Густава, Царь ограничился лишь «уверением в дружбе» в письме, которое передано было через Неклюдова, приехавшего в Петербург.

¹² Комментарий тотчас же уличает А. Ф. в ипокритстве: Вильгельм, конечно, знал. Возможно, но А. Ф. могла думать по-иному. В ней много было наивности. Она негодовала, например, когда узнавала, что письма жены к мужу подвергаются перлюстрации – интимная родственная переписка в ее представлении могла касаться лишь адресатов.

дующий раз он услышит, будто я желаю заключения мира». Царь одобрил ответ жены: «Ты давала совершенно правильный ответ по вопросу о мире. Это как раз главный пункт моего рескрипта старому Горемыкину, который будет опубликован». Насколько волновали А. Ф. эти сплетни о «сепаратном мире», показывает тот факт, что через день она переписывает слова Палеолога, сказанные им по поводу сообщенной ему морганатической женой вел. кн. Павла беседы последнего с Императрицей: «Сегодня гр. Г(огенфельзен) посылает мне ответ Палеолога: “Впечатления, которые... Великий Князь вынес из своего разговора и который Вы... мне сообщаете от его имени, меня глубоко трогают. Я... придаю очень высокую цену прямому свидетельству, исходящему от... Великого Князя. Мое личное убеждение в нем не нуждалось. Но если я еще встречу неверующих, то отныне буду иметь право сказать: я не только верю, но и знаю”. Все это относительно вопроса о сепаратном мире», – добавляла А. Ф.

Те, кто старался доказать во что бы то ни стало планомерную закулисную работу А. Ф. по подготовке почвы для сепаратного мира, пользуются каждым поводом, каждым свиданием ее с иностранцем, каждым письмом, полученным или отправленным ею за границу, для того, чтобы заподозрить ее искренность, – они увидят в словах А. Ф. только «деланную наивность», наличность какой-то макиавеллистической хитрости. Подобный исторический анализ, сводящийся к произвольным натяжкам и кривотолкам, едва ли может быть целесообразен и приводит только к фантастическим построениям. Стоит ли этим заниматься? В качестве иллюстрации приведем один только пример, где побиты все рекорды в силу исключительно небрежного использования документов. Возьмем текст исторических изысканий Чернова. Рассказывая о выступлении Васильчиковой в Петербурге (т.е. в декабре 1915 г.), исследователь, пользуясь перепиской А. Ф. (письмо 25 июня), сообщает: «Еще до этого А. Ф. воспользовалась поездкой через Германию одного не названного по имени “американца из УМСА”, чтобы поручить ему дорогой побывать у принца Макса Баденского и принцессы Виктории и поговорить, как будто о совершенно невинном вопросе – соглашении относительно обращения обеих сторон с военнопленными. В Германии, очевидно, придавали очень большое значение этой инициативе бывшей принцессы Гессенской по завязыванию первой непосредственной связи между членами династии обоих воюющих государств. И Царица *вскоре* имела случай переслать мужу уже и письма – от этого американца, от “Макса” и от “Вики”. “Пожалуйста, – просит она, – не говори, откуда эти письма (только можно сказать Николаше (вел. кн. Н. Н.) насчет Макса, так как он смотрит за нашими пленными), они послали письма к Ане (Вырубовой) через шведов, а не через фрейлину (т.е. ту же Васильчикову), потому что об этом никто не должен знать, даже их миссия. Я не знаю, почему они так боятся. Я открыто телеграфировала Вике, что я благодарю за ее письмо и прошу ее благодарить Макса от моего имени за все, что он делает для наших пленных”». Автор весьма своеобразно препарировал письмо А. Ф. 25 июня утром А. Ф. сообщала мужу, что она примет одного из членов своего комитета помощи военнопленным в Германии, «одного американца» («из Союза Христианской Молодежи, как наш Макс»), только что вернувшегося из Сибири и обзревавшего там положение немецких пленных. В *тот же день* она вновь пишет Н. А.: «Я видела американца из Союза Христианской Молодежи и была глубоко заинтересована тем, что он мне рассказывал про наших пленных там и их здесь. Посылаю тебе его письмо, которое он собирается напечатать и распространить в Германии (и фотографии, на которых изображены наши военнопленные бараки). Он намерен докладывать только о хорошем с обеих сторон и не говорить о дурном и надеется таким образом заставить обе стороны работать одинаково гуманно». По Чернову, за те часы, которые протекли между двумя письмами, отправленными в один и тот же день, таинственный американец успел побывать в Германии, прислать А. Ф. письмо и одновременно письма от Макса и Вики! Вся эта фантастика вытекла из того, что в *тот же* вечернем письме от 25 июня А. Ф. сообщала: «Сегодня вечером я получила письмо от Вики, которое посылаю тебе вместе с письмом Макса... Я дала знать тому американцу, который уезжает *завтра* в Германию, что я желаю, чтобы он повидал

Макса, передал ему эти бумаги и рассказал бы ему обо всем, чтобы изменить их ложное мнение относительно нашего обращения с военнопленными». Дело действительно касалось обращения с военнопленными, так как в Германию дошло какое-то объявление, что в ответ на немецкие жестокости будут расстреливать 10 человек из захваченных на месте преступления, «где откроется, что мучили человека». А. Ф. обращала внимание на то, что в «бумаге», присланной от Вики, «все переверано» – там говорилось о расстреле первых десяти немецких пленных – «твоя мысль была совсем не та».

Но самую удивительную операцию с письмом Чернов произвел при изложении пути его пересылки: «Они послали письмо Ане через шведов (автор делает примечание – Густав V), а не через фрейлину (т. е. ту же Васильчикову)». Каждому должна бросаться в глаза несуразица: как могли «американец», «Макс и Вики» 25 июня пересылать письма через Васильчикову? На деле в письме значится, что родственные письма были направлены «Ане через одного шведа – нарочно ей, а не фрейлине – никто не должен об этом знать». Совершенно очевидно, что под фрейлиной, находящейся в Петербурге, не может подразумеваться берлинская Васильчикова...

3. Посланец датского короля

Продолжим обозрение тех перспектив сепаратного мира, которые раскрывали перед русской властью эмиссары, прибывшие из-за кордона. 9 июля, по ходатайству датского посланника, Николай II принял датчанина Андерсена, который был, – отмечает «дневник» министра ин. д., – «давно известен Государю, будучи в близких отношениях ко всему датскому королевскому дому». Андерсен посетил и вдовствующую Императрицу, которая записала в свой дневник 9 июля: был «мой милый Андерсен. Он находит, что надо заключить мир». Андерсен был «лично знаком» и имп. Вильгельму и в прежнее время считался сторонником Германии¹³. В изложении «дневника» министра ин. д., со слов Сазонова, которому Царь рассказал содержание своей беседы с Андерсеном, последняя носила скорее информационный характер. Андерсен, привезший письмо от датского короля с просьбой выслушать устный доклад подавателя письма, рассказал, что он недавно посетил Германию, был принят Вильгельмом и виделся неоднократно с Бетман-Гольвегом и фон Яговым. По настроению своему немцы, характеризовал Андерсен, делятся на два разряда: одни следуют примеру Императора, находящегося под сильным влиянием адм. Тирпица, опьянены военными успехами последних месяцев и полны надежд на «неограниченное торжество» Германии; другие, к которым принадлежат канцлер и министра ин. д., опасаются, что Германия не выдержит крайнего напряжения и поэтому стоят за скорейшее заключение мира, причем одни (большинство) мечтают о заключении отдельного мира с Россией, другие находят более выгодным сойтись с Великобританией.

Доклад Андерсена не ограничился устной информацией, он передал Царю письменное «резюме» бесед, которые он имел с Вильгельмом и рейхсканцлером, – резюме, которое не оставляет сомнения в том, что Андерсен являлся не столько информатором, сколько посредником, ставившим задачей своей предложить обеим сторонам «услуги» Христиана X «для дела общего мира». «Продолжая мои прежние усилия и согласно желанию Е. В. (датского короля), я прибыл в Берлин 16 марта (н. ст.), – начинает свою записку Андерсен. – Передав Императору приветствие датского короля, я коротко изложил чувства, которые побудили Е. В. предложить свои услуги в интересах мира... Е. В., находясь в дружеских отношениях с императором, является близким родственником русского императора и английского короля. Этот факт... достаточно оправдывает его выступление с предложением посредничества... Император сказал... (что) он охотно выслушает всякое предложение, которое они (враги) пожелали бы представить ему через датского короля. Он прекрасно знает, что король не может быть заинтересованным в сепаратном мире... что лучшая дорога к миру пролегает через доброе сердце Царя... впрочем, он не имеет возражений против того, чтобы начала Англия... Но грядущий мир должен быть миром длительным, заключенным на базисе, достойном германского народа и принесенных им жертв...»

Надо думать, что берлинская и петербургская беседы носили характер предварительного зондирования и только. Никакого вопроса о сепаратном мире России с Центральными державами не ставилось, как утверждает австрийский министр Буриан, будто бы хорошо осведомленный о миссии Андерсена. К числу произвольных утверждений этого мемуариста следует отнести его сообщение, что Андерсен дважды посетил Петербург и что если в первый раз (непосредственно после беседы с Вильгельмом) Царь отверг всякую мысль о сепаратном мире, то во второй раз (в июле) Андерсен, хотя его миссия осталась безрезультатной по-прежнему, заметил «меньшую враждебность» в отношении Германии. Семенникову представляется

¹³ Семенников указывает, что Андерсен был директором «Вост. Аг. Пароходства», тесным образом связанного с немецким капиталом.

«вероятным», что датский король принял на себя посредничество «если не по просьбе, то хотя бы с согласия Романовых». Из каких данных вытекает это «вероятно»?

4. Банковские пацифисты

Гораздо более определенный характер, нежели миссия нейтрального третичка, носило почти одновременно с ней выступление в порядке частном, но не секретном, в Стокгольме б. директора Deutsche Bank Монквица. «В разговоре с одним русским, коему, очевидно, поручено было мне это передать, – телеграфировал Неклюдов Сазонову 7 июля, – директор упомянутого банка высказал горячее желание берлинских правительственных кругов добиваться отдельного мира с Россией. Во всей Германии чувствуется-де бесцельная борьба с восточной соседкой, против которой якобы не питают никакой злобы; Германия готова была бы предложить России для замирения то, что издавна составляло историческую нашу цель, а именно Константинополь и проливы, вознаградив Турцию Египтом». «То же лицо¹⁴, – телеграфировал Неклюдов через неделю, – вызванное Монквицем в Мальмэ, передало мне следующий разговор, имевший характер прямого предложения». Упомянув о двух партиях, которые имеются в Германии (см. информацию Андерсена), и о том, что Англия делает Германии мирные предложения, и что Англия и Франция проливов России не дадут, Монквиц говорил, что партия, к которой он принадлежит и которая сочувствует России, готова сделать так, чтобы проливы стали «русско-германско-турецкой территорией при совершенном срытии укреплений». Дальше речь шла об исправлении галицийской границы, предоставлении России займа от 5—10 мил. мар. Посредник указывал, что переговоры надо начать через частных лиц, «не компрометируя официальной дипломатии обеих стран», немедленно, так как после наступления и взятия Варшавы трудно будет объяснить германскому общественному мнению необходимость столь серьезной уступки России. Монквиц намечал и уполномоченных для переговоров – гамбургского банкира Варбурга, шведского финансиста Бендельсона и с русской стороны «выдающегося финансиста», имени которого в документе, к сожалению, нет...

Русский посол по первому впечатлению на предложение директора Deutsche Bank посмотрел, как на очередную попытку внести лишь рознь среди союзников. Он ответил, что «едва ли из планов Монквица что-либо выйдет», и выразил Сазонову уверенность, что «все вышеизложенное уже передано англичанам, как якобы *русские* предложения сепаратного мира. Позволю себе выразить мнение, – телеграфировал посол, – что подобные маневры немцев должны бы быть немедленно сообщаемы союзниками друг другу». Однако в письме, последовавшем через три дня, Неклюдов считал уже, что «предложения эти носят довольно серьезный характер, ибо такое лицо, как директор Deutsche Bank Монквиц, не стало бы действовать по собственному почину».

Такую оценку подтвердило то, что 7 августа министра ин. д. в Петербурге посетил шведский банкир Кюльберг с «весьма горячим рекомендательным письмом» Неклюдова. Кюльберг, покончив с финансовой стороной русско-шведских отношений, перешел к распространявшимся слухам о возможности мирных переговоров между Россией и Германией. «Г-н Кюльберг спросил бар. Шиллинга, – говорится в подневной записи министра ин. д., – знает ли он о том, что через банковских деятелей А. В. Неклюдову были сделаны в этом отношении некоторые предложения, и не думает ли он, что самым подходящим способом наладить подобные переговоры было бы обсуждение возможных мирных условий банковскими деятелями с обеих сторон, съехавшимися в нейтральной стране. Бар. Шиллинг ответил, что ни о каком отдель-

¹⁴ Чернов спешит подставить: «как будто бы» Манус? – только потому, что легенда (об этом ниже) связала имя этого сомнительного петербургского финансиста с тогдашним будто бы разговором о сепаратном мире. Если бы автор обратился к подлиннику, то увидел бы, что это во всяком случае не мог быть Манус: «Русский собеседник Монквица – коммерсант, состоятельный, русско-польский полувейрей...» (пропуск в подлиннике) (с) коммерческими связями и знакомствами в Берлине. Здесь он ведет себя безупречно, много и толково помогает нашей транзитной и экспортной торговле». В дальнейшем из другого Неклюдовского же сообщения будет ясно, кого он имел в виду.

ном мире между Россией и Германией речи быть не может, и что, когда в Германии сочтут время наступившим для мирных переговоров, необходимо будет обратиться с таковыми ко всем союзникам зараз. Кроме того, бар. Шиллинг сказал, что вопрос не в том, кто должен сыграть роль посредника при переговорах – будь то банковский деятель, или дипломат, или любое частное лицо, – важно лишь одно, чтобы такой посредник обладал надлежащими полномочиями со стороны германского правительства и обратился также к правительственному представителю союзников. Иначе будут лишь пустые разговоры между безответственными людьми, а не серьезные переговоры... Г-н Кюльберг... спросил, думает ли бар. Шиллинг, что при соблюдении указанных условий переговоры через банковских деятелей могли бы иметь вероятие на успех. Бар. Ш. ответил, что не знает, насколько Германия была бы в настоящую минуту склонна согласиться на те условия, которые, по мнению союзников, должны лечь в основу всякого соглашения и без удовлетворения которых союзники едва ли согласятся заключить мир. Во всяком случае, почин таких серьезных предложений должен был бы исходить из Германии. Г-н К. сказал, что через два дня возвращается в Швецию, но предполагает быть снова в Петрограде недели через две и просил разрешения вновь посетить бар. Шиллинга.

Невозможно предположить, что Сазонов, отрицательно относившийся к мысли о сепаратном мире, не доложил Царю телеграммы Неклюдова, тем более что предложение директора Deutsche Bank было сообщено в Ставку и тамошний представитель министра ин. д. Кудашев писал своему шефу, что начальник штаба Янушкевич отнесся очень отрицательно к этим разговорам¹⁵.

Слухи о посредничестве Монквица распространились широко при содействии самих «немецких агентов», говоривших, что Россия после боя в районе Вислы заключит сепаратный мир, по которому она получит проливы, а Германия Польшу (эту пропаганду Неклюдов отметил еще в телеграмме 10 июля). О миссии Монквица сообщал в Афины 20 июля и греческий поверенный в Петербурге, добавляя, что «никаких последствий это предложение не имело». Отклик можно найти и в речи члена Думы кн. Мансырева 4 августа, утверждавшего, что во «влиятельных петроградских салонах» пропагандируется идея сепаратного мира, по которому Прибалтийский край должен отойти к Германии, причем Россия будет компенсирована Галицией. Сазонов счел нужным парализовать ходившие слухи и заявить представителям печати 9 августа, что «попытки наших врагов возбудить переговоры о сепаратном мире встречены во Франции и у нас совершенно отрицательно».

Если попытки Монквица не имели никаких последствий, то это явилось результатом твердости не только русского министра ин. д., но и самого Царя, с большой определенностью высказавшегося в письме к жене 9 сентября: «Здесь (т.е. в Ставке) я могу судить правильно об истинном настроении разных классов народа: все должно быть сделано, чтобы довести войну до победного конца, и никаких сомнений на этот счет не высказывается. Это мне официально говорили все депутации, которые я принимал на днях, и так это повсюду в России».

¹⁵ Янушкевич военное положение обоих противников тогда в письме к военному министру Поливанову оценивал словами: «Если мы на волоске, то и немцы едва дышат». В это же время в заседании Совета министров 17 августа Рузский приблизительно так определял положение: Россия не сможет собственными силами раздавить немцев, но долго сможет сопротивляться.

5. Гофмаршал Эйленбург

До приезда Васильчиковой в Петербург можно отметить еще одно мирное предложение, шедшее из Германии и довольно отчетливо характеризующее отношение Царя к вопросу о преждевременном мире. Оно должно быть отмечено уже потому, что о нем говорилось в Чрезв. След. Комиссии, когда давал свои показания Милюков.

Касаясь попыток «повлиять на Царя», находивших «почву в окружающих», Милюков упомянул о письменном обращении со стороны «какого-то графа, придворного Двора, имп. Вильгельма», в котором «в очень осторожных выражениях» намекалось на «возможность восстановить дружеские отношения, если Царь захочет...» «В ответ на это письмо было категорическое заявление, что никакого ответа не будет, хотя проект ответа был заготовлен, осторожный, дипломатический проект, но ответ был отвергнут только потому, что Царь сказал, что отвечать не желает». Здесь обнаружилась вся беспомощность Комиссии. Свидетель не помнил ни времени получения письма, ни имени отправителя. На вопрос члена Комиссии Смиттена: «Каким образом найти нить и пути, чтобы установить содержание письма», Милюков ответил: «Это письмо есть в мин. ин. д. со всеми подлинниками, с проектом ответа и резолюцией».

Письмо это было отправлено обер-гофмаршалом берлинского Двора гр. Эйленбургом русскому министру Двора гр. Фредериксу, с которым Эйленбург был связан 30-летними дружескими отношениями. Комментаторы поспешили поставить письмо в непосредственную связь с командировкой Васильчиковой – оно «подготавливало почву для приема». Письмо Эйленбурга, по рассказу Палеолога, было доставлено в Петербург неизвестным эмиссаром и переслано обычной почтой адресату (очевидно, в конце ноября или в первых числах декабря). Станный способ доставки важного письма при возможности иными путями сноситься с «немецкой партией» при Дворе. Письмо было передало Фредериксом Царю, причем министр Двора разъяснил, что Эйленбург не мог сделать подобного шага без особого поручения Вильгельма¹⁶. Николай II поручил министру ин. д. составить проект ответа. На другой день, когда Сазонов доложил этот проект (в нем говорилось: если Эйл. искренно сочувствует миру, то он должен убедить Вильгельма обратиться со своим предложением ко всем четырем союзникам, без чего не может быть никаких переговоров), Царь в конце концов признал, что письмо должно остаться без ответа, так как всякий ответ, как бы безнадежен он ни был, мог быть истолкован как согласие на переписку.

¹⁶ Такая уверенность и привела, вероятно, к тому, что Керенский в показаниях следователю Соколову говорил, что в бумагах (?) Николая II было обнаружено письмо Вильгельма, на которое не последовало ответа, – «категорически установленный факт», известный и Следственной Комиссии.

6. Васильчикова в Петербурге

Наконец 4 декабря в Петербурге появилась сама Васильчикова. Семенникову представляется наиболее достоверной та версия, которую дал б. мин. вн. д. Хвостов о деятельности Васильчиковой, и он скептически относится к записи Палеолога, сделанной со слов Сазонова. Мое впечатление иное. Хвостову свойственно было какое-то особое гаерство, приводившее к тому, что он не только склонен был приписывать себе не существовавшую инициативу, но и с легкостью просто измышлять факты. Сам Хвостов в официальной беседе с председателем петербургского Общества, редакторов органов периодической печати Гессеном охарактеризовал себя «человеком без задерживающих центров», а его соратник и друг, сделавшийся врагом, Белецкий, в Чр. Сл. Комиссии «темперамент» Хвостова определил так: зайчики прыгали в мозгу этого «дегенерата...» Между тем запись французского посла при всех своих «неточностях» очень близко подходит к тому, что занесено в официальном «дневнике» министра ин. д. (опубликован после выхода книги Семенникова). Последняя запись, непосредственно регистрировавшая факты, заслуживает, естественно, наибольшего доверия. Она устраняет некоторые кривотолки...

Но прежде несколько слов о самом приезде вестницы из вражеской страны. 1 декабря посол в Стокгольме прислал «весьма доверительно» телеграмму «лично» Сазонову: «Здесь проезжала... из Австрии и Германии известная вам Маша Васильчикова. По старинному знакомству она провела в нашем доме несколько часов. Старалась убедить нас, что нашим пленным в Германии живется отлично, и что они только и мечтают о скорейшем мире, что между русскими и сербскими пленниками в Австрии существует вражда, что ей пришлось быть невольной свидетельницей разговора двух англичан, которые будто бы говорили, что главный враг Англии – это Россия и тому подобные выученные нелепицы. Ввиду такого настроения фрейлины В., а также и дошедших до меня ранее сведений о каких-то бестактных письмах, посылавшихся ею из Германии высоким особам, я ей *никакой рекомендации* к пограничным властям не дал». Показательно, что Царь на этой телеграмме сделал надпись: «правильно».

В первом издании своей работы Семенников с некоторой осторожностью делал предположение, что Васильчикова приехала как бы с санкции Ал. Фед., действовавшей в «полном контакте» со своим братом, вел. герц. Гессенским: «вполне... вероятно», что принц «успел заручиться согласием своей сестры на благосклонный прием Васильчиковой». Поводом для такого предположения служила «загадочная история с пропуском ее в Россию». 2 декабря при переезде границы Васильчикова подверглась допросу в штабе VI армии на северном фронте и показала, что, получивши из России известие о смерти матери, она «добилась при содействии вел. герц. Гессенского и за его поручительством разрешения выехать в Россию сроком на три недели с тем, что в случае, если она не вернется, то ее имение будет конфисковано». Сообщая, что В. предполагает выехать назад «через 15—12 дней», нач. шт. ген. Бонч-Бруевич 6 декабря запрашивал Алексева: «Надлежит ли допустить Васильчикову выехать за границу, и в утвердительном случае, можно ли подвергнуть при выезде самому тщательному опросу и досмотру». Алексеев положил резолюцию: «Пропустить можно. Опрос учинить можно, а досмотр только при сомнении. Нет надобности наносить лишнее унижение, если в этом не будет надобности». Следовательно, заключает комментатор, или о проезде В. в Ставке было известно раньше, или Алексеев снесся по прямому проводу с Царским Селом о пропуске В. и получил авторитетное указание свыше – «вполне возможно» от А. Ф., так как Император был в это время на юге. Комментаторы не обратили внимания на то, что в запросе Бонч-Бруевича речь шла лишь об обратном проезде Васильчиковой. Пропуск ее не вызывал сомнений в силу уже самой личности «Маши Васильчиковой», близкой по прошлому не только Царской семье, но и верхам

петербургского общества¹⁷. Очевидно, никаких специальных распоряжений о Васьичиковой не было дано.

Во втором издании своей книги Семенников уже более определенно говорит о «директивах свыше», опираясь на рассказ Родзянко, появившийся в XVII т. «Архива Рус. Революции». Ниже мы увидим, что рассказ Родзянко в деталях неправдоподобен, ибо в его памяти перепутались факты и слухи, которых всегда было слишком много, и что этот рассказ не всегда соответствует тому, что сам Родзянко говорил – по-современному, по крайней мере, газетному отчету – в двадцатых числах декабря 1915 г., разоблачая миссию Васьичиковой в бюджетной комиссии Гос. Думы.

В воспоминаниях Родзянко сообщал, что Васьичикова и ему написала «еще в начале сентября» из Австрии «очень странное письмо», в котором старалась убедить председателя Гос. Думы «способствовать миру между воюющими странами». «На конверте не было ни марки, ни почтового штемпеля. Принес его какой-то неизвестный господин. Оказалось, что такие же письма были отправлены Государю, вел. кн. Марии Павловне, вел. кн. Елиз. Фед., А. Д. Самарину, кн. А. М. Голицыну и министру Сазонову – всего в семи экземплярах». Родзянко переслал письмо Сазонову, и тот посоветовал бросить письмо в корзину, заметив, что «он тот же совет дал Государю». «Ко всеобщему изумлению, – продолжает Родзянко, – М. А. Васьичикова появилась в Петрограде. Ее встречал специальный посланный в Торнео на границе... в “Астории” для нее была приготовлена комната... Это рассказывал Сазонов, прибавивший, что, по его мнению, распоряжение было сделано из Царского¹⁸... Все знакомые Васьичиковой отворачивались от нее, не желая ее принимать, зато в Царское она ездила, была принята, что тщательно скрывалось. Когда вопрос о сепаратном мире в связи с ходившими слухами был поднят в бюджетной комиссии, министр вн. д. Хвостов заявил, что, действительно, кем-то эти слухи распространяются, что подобный вопрос не поднимался в правительственных кругах, и что, если бы это случилось, он ни на минуту не остался бы у власти. После этого я счел нужным огласить в заседании письмо Васьичиковой и сообщил, что она находится в Петрограде¹⁹. Хвостов, сильно смущенный, должен был сознаться, что она действительно жила в Петрограде, но уже выслана. После заседания частным образом Хв. рассказывал, что на следующий день после своего появления Васьичикова ездила в Царское Село (к кому он не упомянул), и что он лично делал у нее в “Астории” обыск и в числе отобранных бумаг нашел письмо к ней Франца-Иосифа и сведения, говорящие, что она была в Потсдаме у Вильгельма, получила наставления от Бетман-Гольвега, как действовать в Петрограде, а перед тем гостила целый месяц у принца Гессенского и привезла от него письма обеим сестрам – Императрице и вел. кн. Елиз. Фед.».

По словам Родзянко в бюджетной комиссии, Васьичикова тщетно пыталась добиться приема у официальных членов правительства. Как явствует из «дневника» министра ин. д., это было не совсем так: Сазонов Васьичикову принял. Официальная запись передает: «По приезде в Петроград М. А. Васьичикова посетила жену директора 1-го департамента В. Л. фон дер Флит и, разразившись слезами по случаю отношения к ней русского общества, не исключая ее ближайших родственников, уверяла ее, что все ее попытки побудить русское правительство пойти на примирение с Германией и Австрией были подсказаны ей исключительно горячей любовью к ее отечеству – России... Она просила ее устроить ей свидание с министром ин. д., к которому она не решалась обратиться непосредственно из опасения, как бы С. Д. Сазонов,

¹⁷ Дочь директора Эрмитажа, гофм. Васьичикова, и жены его, рожденной гр. Олсуфьевой, М. А. Васьичикова состояла фрейлиной при Дворе с 1880 г.

¹⁸ В силу связей и положения в свете В. для занятия комнаты в гостинице «Астория» едва ли требовалось специфическое высочайшее вмешательство. Кающийся в Чр. Сл. Ком. Белецкий не преминет упомянуть, что «Астория» была центром при-езжающих из-за границы «шпионов».

¹⁹ Это, очевидно, не было ни для кого секретом. Сам Родзянко пишет: «Все знакомые В. отворачивались от нее». См. дальше запись в «дневнике» министра ин. д.

несмотря на давнишнее с ней знакомство, не отказал ей в приеме при нынешних обстоятельствах. При этом она не скрыла, что... имеет поручение говорить и о политических предметах. Хотя и неохотно, министр ин. д. согласился принять М. А. Васильчикову в субботу 5 декабря в 3 часа дня. Приехав к нему, М. А. пристрастно изложила ему то, что она писала раньше, и то, что она говорила почти всем, кого видела здесь... М. А. особенно напирала на то, что наш главный и общий враг – Англия и вообще, смотря на все через немецкие очки, твердила явно подсказанные ей немцами доводы в пользу немецкой точки зрения на нынешнее положение... Горько сетуя на то, что ее здесь не понимают и обвиняют в государственной измене и даже шпионстве, она просила С. Д. Сазонова обо всем ею сказанном доложить Государю и вручила ему записку, составленную ею на основании разговора с вел. герц. Гессенским... от которого она привезла два собственноручных письма для Государя Императора и для Императрицы Ал. Фед. Первое из этих писем было не запечатано, и по поручению великого герцога М. А. прочла его министру²⁰. В нем заключалась просьба к Е. В. выслушать М. А. В. и отнестись благосклонно к тому, что она передаст от имени Его Высочества. Поручение же последнего заключалось все в том же, а именно убедить Государя заключить мир с Германией. Министр выразил М. А. удивление, что она, зная хорошо здешнюю обстановку, могла хоть бы минуту подумать, что здесь будут достаточно наивны, чтобы отнестись серьезно к столь неубедительным доводам. В России знают, что Германия не даром хотела бы заключить мир, но в России знают также, что прочный мир возможен лишь на таких условиях, которые в настоящую минуту Германия едва ли примет, а потому здесь твердо намерены довести борьбу до конца».

По рассказу Палеолога в тот же вечер Сазонов доложил Императору; последний был в негодовании от миссии Васильчиковой и заявил Сазонову, что В. не будет выпущена из России. В изображении Хвостова, в показаниях Чр. След. Комиссии, инициатива исходила от министра вн. д. «Когда я узнал, что В. приехала, я сейчас же поехал в Царское, сразу доложил, что необходимо арестовать В., и он (т.е. Царь) дал мне право с ней поступить, как мне заблагорассудится... Я сам поехал в “Асторию”, взял Васильчикову и сам лично произвел обыск. т.е. при мне обыскали». («Я не доверял Белецкому, – пояснил Хвостов, – потому что я видел, что он все время охраняет эти кружки»). «Ничего серьезного» отобранные письма, с коих были сняты копии в министерстве, не представляли... Не стоит разьяснять противоречия, имевшиеся в показаниях Хвостова. Надлежит лишь отметить, что и по его словам отношение Николая II к миссии Васильчиковой было решительно отрицательным.

Самое интересное для нас выяснить: была ли Васильчикова действительно принята в Царском в тот небольшой промежуток времени, в течение которого она находилась в Петербурге. Сопоставление записи министра ин. д. с процитированным показанием Хвостова определенно указывает как будто на невозможность такого посещения²¹. Но на основании показания того же Хвостова Семенников делает вывод противоположный. Хвостов, между прочим, показал: «Несколько раз пробовал я говорить с Васильчиковой о Распутине: она тоже была в ужасе и говорила мне, что она больше о Распутине говорить не может, потому, будто бы, что ей грубо в Царском сказали, чтобы она не смела вмешиваться». Во втором сокращенном издании книги Семенникова, которым пользовался Чернов, нет ссылки на Хвостова. Чернов уже от себя дополнил автора, сославшись на письмо самой Царицы, которая написала своему мужу: «Мария Васильчикова живет с семьей в зеленом угловом домике и наблюдает из окна, как кошка, за всеми, кто входит и выходит из нашего дома... Она сказала графу Фред (ериксу), что видела, как Гр(игорий) сюда въезжал (отвратительно!). Чтобы наказать ее, мы

²⁰ По записи Палеолога и второе письмо не было запечатано, и Сазонов мог его прочесть. Очевидно, и прочел – по крайней мере, Палеолог со слов Сазонова приводит фразу из этого письма брата, высказывавшего надежду, что Императрица, сделавшись русской, вероятно, не выбросила из своего сердца и старую родину.

²¹ Обратим внимание на то, что приезд Васильчиковой совпал с пребыванием в Петербурге представителя французского правительства Думерга, что требовало особой тактичности со стороны верховной власти.

сегодня пошли окольным путем, так, что она не видела, как мы выходили». «Надо думать, – комментирует Чернов, – что немцам надо было в интересах сепаратного мира проверить степень влиятельности Распутина при Дворе». Автору нет никакого дела до того, что в дни пребывания «Маши Васильчиковой» в Петербурге Николай II сам был в Царском Селе (вернулся 6-го) и, следовательно, жене незачем было писать мужу. Письмо, которое приводит Чернов, относится к 14 июня, т.е. к тому времени, когда Васильчикова «Маша» была в Берлине. К автору, столь неразборчивому в методах своих работ, нельзя предъявлять больших требований – более внимательный читатель писем А. Ф. легко убедился бы, что *Маша* Васильчикова и *Мария* Васильчикова (княгиня), о которой идет речь в письме 14 июня, разные лица. Хвостов, сознательно или бессознательно, также спутал обеих Васильчиковых (возможно, что здесь некоторая вина и стенограммы). Кн. Васильчикова была ярким врагом Распутина – ее выступление против «нашего друга» привело княгиню к высылке из столицы в деревню. У «Маши» же Васильчиковой не было основания проявлять враждебность к царскому фавориту, хотя никакой связи между ними, по-видимому, не было. Слова Родзянко в Чр. Сл. Комиссии, что Васильчикова «буквально его избранница» («я это знаю хорошо, потому что Васильчикова мне близко знакома»), надо отнести за счет произвольных заключений свидетеля-мемуариста, равно как заявление Хвостова, что «Гришка ругался» по поводу ареста Васильчиковой²². Как мог Семенников, добросовестный в цитатах и умеющий разбираться в материале, допустить такую бросающуюся в глаза явную нелепицу при толковании показаний Хвостова²³.

Невозможность проникнуть в Царское, неудача у Сазонова и с письмами, привезенными из-за границы²⁴, побудили Васильчикову обратиться к другим лицам – в том числе к Родзянко, с которым она находилась даже в родственных отношениях. Это письмо Родзянко по памяти и отнес к сентябрю, когда Васильчикова была еще за границей. Когда Васильчикова «стала протестовать и продолжала действовать, – показывал Хвостов, – я предложил ее выслать в Вологодскую губ., а Департаментом полиции ей было назначено кормовое содержание, чтобы не умереть с голода, потому что у нее не было никаких средств»²⁵. Васильчикова не была выслана в Вологодскую губернию, не была заточена и в Суздальский монастырь, как гласит версия, записанная со слов Сазонова Палеологом и повторенная Бьюкененом. В действительности же

²² Насколько великолепная память председателя Думы, отмеченная лестной аттестацией руководителя Чр. Сл. Комиссии, погрешала подчас против действительности, или насколько непродуманны иногда были ответы Родзянко, свидетельствует его дальнейшее утверждение, что меры, принятые Хвостовым против Васильчиковой, послужили причиной его увольнения с поста министра вн. д. Причиной опалы Хвостова была шумная эпопея, связанная с посылкой «журналиста» Ржевского в Христианию не то с целью организации при посредстве б. иеромонаха Илиодора убийства Распутина, не то для приобретения илиодоровской рукописи «Святой черт».

²³ Тем более это непонятно, что в первом издании своей работы сам Семенников указывает, что «Мари Васильчикова» – это кн. М. И. Васильчикова. Последнего не разобрал даже комментатор переписки Ник. Ал. и Ал. Фед. Не разобрался и редактор издания историк Покровский, писавший в предисловии, что кн. Васильчикова, которую с таким шумом «выслали» после того, как об ее «миссии» разнеслись слухи по Петербургу, проживала в Ц. С. и настолько близко ко Дворцу, что могла видеть все, что там делается. Покровский усматривал «действительную причину» высылки немецкой посредницы в ее «слежке» за Распутиным. Очевидно, Чернов, не вдумываясь в цитируемый текст, механически последовал за редактором советского издания царской переписки.

²⁴ Эти письма, как утверждал Хвостов, были отобраны. В показаниях он рассказал следующую историю. Маньяк немецкого шпионажа хотел испытать вел. кн. Ел. Фед., о которой в Москве ходил слух, что она «шпионка» и что в ее Марфо-Мариинской обители найден подземный телефон для сношения с немцами. Отобрав при обыске письма к Ел. Фед. от ее сестер «принцесс Гессенской и Гольштинской», Хвостов отправил их по адресу якобы от имени Васильчиковой. Письма вернулись не распечатанными на имя министра вн. дел для вскрытия, так как вел. кн. не хотела иметь ничего общего с Васильчиковой, о которой узнала из газет. Этот инцидент скорее всего выдуман склонным к фантазиям бывшим министром. Он сам путает, говоря то о письме Ел. Фед., то о письме на имя Мар. Павл. (старшей). Вероятно, этих писем вообще не было. Белецкий в показаниях рассказал совсем другое – он предпринял по просьбе заведующего двором Ел. Фед. Зурова все меры к недопущению поездки Васильчиковой в Москву.

²⁵ В печати революционного времени показание Хвостова вылилось в форму утверждения, что Васильчикова – немецкий агент, состояла на жаловании у департамента полиции и получала 300 руб. ежемесячно.

ее выслали в Черниговскую губ., в имение сестры, где ее и застала революция и откуда она возбудила ходатайство перед Временным Правительством о выезде в Швецию.

Васильчикова была не только выслана, но и лишена фрейлинского звания (1 января). Если принять во внимание то обстоятельство, что газетный шум вокруг имени Васильчиковой поднялся тогда, когда *post factum* (В. была уже выслана) Родзянко «разоблачал» в бюджетной комиссии истинную цель приезда Васильчиковой, то едва ли можно согласиться с заключением, что «Романовы» не могли «не принять против Васильчиковой репрессивных мер без опасения явно не скомпрометировать себя». Отношение к миссии Васильчиковой определилось до того, как дело «было скомпрометировано оглаской», и Васильчикову лишили фрейлинского шифра вовсе не для того, чтобы «затушить политический скандал». Вывод свой Семенников (Чернов без критики следует за своим поводырем) обосновывает несколькими строками из писем Ал. Фед. 3 и 5 января. «Мне жаль, – писала А. Ф., – что у Маши отняли шифр. Но если так, то и с некоторых господ, которые позволяют себе говорить такие вещи, теперь отлично можно будет снять их золоченые мундиры и аксельбанты». И в следующем: «Митя Бенк(ендорф) говорил у Павла, что Маша привезла письмо от Эрни. А. (т.е. Вырубова) сказала, что ничего не знает, а Павел заявил, что это – правда. Кто же сказал ему? Все они находят справедливым, что она лишена шифра... Кажется, в печати появилось письмо к ней от кн. Голицыной, ужасное письмо, обвиняющее ее в шпионаже и т.д. (чему я продолжаю не верить, хотя она поступила *очень неправильно* по глупости и боюсь из жадности к деньгам). Но неприятно, что опять упоминается мое имя и имя Эрни». Какое основание имела А. Ф. говорить о «жадности к деньгам», мы не знаем. «Шпионкой» Васильчикова, действовавшая так открыто, конечно, не была – подобное обвинение порождала лишь искаленная военным временем общественная психология. Но суть негодования А. Ф. все-таки в том, что примешано ее имя к этой истории. И «вновь будут говорить, что Царское – это в сущности «*Cour de Potsdam*», как выразился в конфиденциальной беседе с Палеологом националист-либерал Брянчанинов, желавший, по словам записавшего беседу французского посла, не только Ал. Фед., но и сестру ее Елизавету заточить в монастырь, а весь остальной «*Cour de Potsdam*» отправить в глубину сибирских тундр для того, чтобы уничтожить в России вековую немецкую бациллу.

«*Cour de Potsdam*» – не летучее случайное выражение в интимной беседе, это цельная концепция, нашедшая себе отражение даже в воспоминаниях будущего президента Чехословацкой республики проф. Масарика, – концепция, которую обостренно воспринимала А. Ф.: «Есть скоты, упорно называющие меня так», т.е. «немкой». Естественно, что А. Ф. не хотела разглашения факта получения ею письма брата. Сазонов, конечно, не был дискретен, когда рассказал любящему «болтать ерунду» французскому послу (отзыв в дневнике «друга» Палеолога вел. кн. Ник. Мих.) об этом письме. Еще меньшую скромность проявил опальный министр вн. д. «без задерживающих центров» Хвостов, вернувшийся в Думу и показывавший в кулуарах перлюстрированное письмо принца Гессенского Императрице.

Глава вторая. Византийская мечта

1. Константинопольская проблема перед войной

«Несмотря на видимое сочувствие к этим германским шагам Ал. Фед., – заключает Семенников, – Романовы не могли пойти на переговоры хотя бы уже потому, что только что перед тем они были подкуплены союзниками обещанием Константинополя, и, кроме того, они опасались, что сепаратный мир может вызвать революцию». Если это так, то как мог принц Гессенский «заручиться согласием на благоприятный прием Васильчиковой»? Подобное признание само по себе аннулирует, по крайней мере в отношении 1915 г., те произвольные толкования, которыми обильно уснащены комментарии сценария исторического фильма «Романовы и сепаратный мир». В это время «Романовы» (не только Ник. Ал., но и Ал. Фед.) с искренним негодованием отрицали самую мысль о возможности сепаратного мира. Константинопольская проблема не могла играть здесь никакой роли уже по той причине, что расплывчатые предположения немецких эмиссаров шли вразрез с традиционными, реалистическими тенденциями, которые наметились в русской правительственной политике по этому вопросу.

Приобретение Босфора и Дарданелл – свободный выход из Черного моря – искони считалось националистической политикой осуществлением исторических задач России. «Дай Бог нам дожить до этой отрадной и душевной для нас минуты», – положил резолюцию в 1882 г. Александр III на докладе посла в Константинополе Нелидова, первого паладина идеи «занятия проливов». «Я не теряю надежды, что рано или поздно, а это будет, и так должно быть», – заключал Император... Еще определеннее высказался через три года Монарх в письме к ген. Обручеву 24 сентября 1885 г. по поводу балканской политики: «...у нас должна быть одна и главная цель – это завоевание Константинополя, чтобы раз навсегда утвердиться на проливах и знать, что они будут постоянно в наших руках». Но Александр III признавал, что до этого идеала еще «далеко...»

Сын свято блюл заветы отца. В течение всего его царствования дипломаты искали «удобного момента», о котором говорил отец, для того, чтобы положить «навсегда» в карман «ключи от своего дома». Проект захвата Босфора не раз обсуждался в 90-х гг. по инициативе того же Нелидова, и слово «навсегда» Николай II собственноручно приписал к протоколу царскосельского совещания 23 ноября 1896 г. На деле сознание собственного бессилия (отсутствие достаточного флота) и опасение того, что «дряхлающую Турцию» может заменить другое государство, заставляли держаться политики *status quo*. Генералыша Богданович, отмечая тогдашние разговоры, прямо ставит в своем дневнике вопрос: русские или англичане займут Константинополь. Военный министр Куропаткин в дневнике, записывая свою беседу с Витте, так определил несколько гиперболически положение перед русско-японской войной: «У нашего Государя грандиозные в голове планы: взять для России Манчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы... Мы, министры,... задерживаем Государя в осуществлении его мечтаний и все разочаровываем, он все же думает, что он прав, что лучше нас понимает вопросы славы и пользы России...» (Витте якобы вполне присоединился к этому «диагнозу»). В 1908 г., когда России грозила война с Турцией, за спиной которой стояла Германия, вел. кн. Ник. Ник., председатель Совета Государственной Обороны, требовал похода на Константинополь (Дневник Поливанова). В 1911—1912 гг. русская дипломатия настойчиво, но безуспешно, пыталась добиться от французского правительства, взамен признания Россией мароккского протектората, признания Францией русских интересов в вопросе о проливах. Извольский настаивал на

изменении традиционной политики Франции на Ближнем Востоке, сводившейся к неделимости Турции, и на предоставлении России свободы действия в отношении Константинополя.

«Исторический» вопрос о проливах более остро выдвинулся в Балканскую войну – в годы ослабления Османской империи, когда он «мог быть поставлен на очередь независимо от желания России, которая не могла, – по мнению, высказанному министром ин. д. Сазоновым, – допустить укрепление на берегах их (проливов) какой-нибудь иной державы». Довольно решительный в своих суждениях и несколько экспансивный Родзянко вспоминает, как он рекомендовал Царю в предпасхальном докладе в 1913 г. «воспользоваться всеобщим подъемом» («славянские манифестации» в Петербурге) и «идти на Константинополь». «Война будет встречена с радостью и поднимет престиж власти, – утверждал председатель Гос. Думы, указывая на всеобщее недовольство внешней политикой правительства, – русская дипломатия своей нерешительностью заставляет играть Россию унижительную роль». Государь «упорно молчал». Но в это время шла уже усиленная подготовительная работа в военно-дипломатических кругах²⁶. Поэтому не приходится придавать большого значения декларативным, в момент «сближения с Германией» заявлениям Царя Вильгельму II о том, что Россия не имеет никаких притязаний на Стамбул и Дарданеллы, и что Турция должна сохраниться в неприкосновенности и оставаться «привратником Дарданелл». (Впрочем, о таких заявлениях Николая II мы знаем только со слов Вильгельма.)

«В сознание русских государственных людей, – говорит Сазонов в воспоминаниях, – да и всякого образованного русского (не слишком ли смелое и весьма сомнительное обобщение!) уже давно проникло убеждение, что будущность русского государства зависит от того разрешения, которое получит вопрос о проливах²⁷, но никогда не приходила в голову преступная мысль затеять европейскую войну, чтобы разрешить его в нашу пользу». Опубликованные ныне материалы вносят существенный корректив к этому категорическому утверждению руководителя русской внешней политики накануне европейской войны, который старается опровергнуть «небылицы» о его причастности к существовавшим будто бы замыслам и агитации «военной партии» («легенду» эту усиленно поддерживала, конечно, националистическая печать в Германии).

Оставляя в стороне перипетии сложной дипломатической игры, связанной с противодействием агрессивной политике германского империализма на Ближнем Востоке, напомним лишь о заключительном аккорде в преддверии уже европейской войны. Момент этот сильно затушеван в воспоминаниях Сазонова. Он рассказывает о «безотрадном впечатлении» «полной военной неподготовленности» России, которое он вынес из созванного им с «разрешения Государя совещания 8 февраля 1914 года для обсуждения тех мер, к которым Россия могла быть вынужденной прибегнуть... для защиты своих интересов», – речь шла о возможности «наступательного движения в направлении Константинополя и проливов». Министр ин. д. увидел, что «если мы и были способны предвидеть события, то предотвратить их не были в состоянии». Следует несколько расшифровать это слишком общее заключение.

Сазонов не говорит, что совещанию 8 февраля предшествовало другое, более узкое, министерское совещание 31 декабря в связи с докладом, представленным министром ин. д. носителю верховной власти. Вопрос шел о давлении на Порту (финансовый бойкот и занятие Россией, Францией и Англией некоторых пунктов в Малой Азии) в целях добиться ликвида-

²⁶ «В уговору Австрии, – заносит в дневник вел. кн. Андрей Вл., – наши дипломаты помешали взять Константинополь». На деле опасения вызывали претензии Болгарии (см. ниже позднейшую записку Базили), хотя «болгарский герой» Радко Дмитриев и прибыл в Петербург, как утверждал Родзянко в воспоминаниях, с «секретной миссией повергнуть к стопам Е. В. Константинополь».

²⁷ Эту государственную необходимость Сазонов формулирует довольно гиперболически: великая страна была заключена в мышеловку, откуда «ей не было выхода, но куда врагам ее был открыт доступ». Впоследствии военный историк Головин будет сравнивать Россию с заключенным домом, в который можно было проникнуть только через «дымовую трубу».

ции германской военной миссии ген. Лиман фон Сандерса в Константинополе (эта миссия, по выражению Сазонова в воспоминаниях, означала фактический «захват Германией власти в Константинополе»). Министр указал Государю, что при таком решении вопроса «не исключена возможность активного выступления Германии»: «В этом случае решение вопроса может быть перенесено из Константинополя и Турции на нашу западную границу со всеми последствиями, отсюда вытекающими». 23 декабря записка Сазонова была одобрена Царем. На «Особом Совещании» 31 декабря (в составе председателя Совета министров, министра ин. д., военного, морского и нач. ген. штаба) сазоновская позиция встретила возражения со стороны Коковцева, считавшего желательным воздержаться от таких способов «принуждения» в отношении Турции, которые «повлекут» за собой «неминуемую войну с Германией»: «Желательна ли война с Германией и может ли Россия на нее пойти?» Генералы Сухомлинов и Жилинский «категорически» заявили «о полной готовности России к единоборству с Германией», не говоря уже о столкновении один на один с Австрией, но считали маловероятным «такое единоборство» – «дело придется иметь со всем Тройственным Союзом...» Сазонов столь же категорически высказался за решительные меры воздействия, полагая риск вмешательства Германии минимальным при «сплоченном единстве» держав Тройственного Соглашения. Совещание пришло к выводу, что «не представляется возможным прибегнуть к способам давления, могущим повлечь войну с Германией, в случае необеспеченности активного участия как Франции, так и Англии, в совместных с Россией действиях».

В промежутке между первым и вторым совещанием Коковцев должен был покинуть пост председателя Совета министров. В совещании 8 февраля под председательством уже Сазонова обсуждались не теоретические вопросы, а совершенно конкретный проект самостоятельной десантной операции против Константинополя. Представители сухопутного военного командования (Жилинский и Данилов), считая, что «борьба за Константинополь вряд ли возможна без общеевропейской войны», полагали, что «возможность этой операции зависит от общей конъюнктуры начала войны». Экспедиция в Константинополь, по их мнению, возможна лишь «при отсутствии борьбы на западном фронте или благоприятном на нем положении вещей»: «успешная борьба на западном фронте решит благоприятно и вопрос о проливах». Представитель морского ведомства кап. Немиц находил, что подобная точка зрения была бы целесообразна, «если бы на пути к проливам и Константинополю мы действительно имели того же главного противника, что и на западном фронте, т.е. германо-австрийские силы. Тогда, очевидно, единственной задачей было бы разбить германскую и австрийскую армии, после чего, диктуя свою волю в Берлине и Вене, мы получили бы проливы. Но в действительности положение представляется, *по мнению морского ген. штаба*, в ином виде. На пути к проливам мы имеем серьезных противников в лице не только Германии и Австрии. Как бы ни были успешны наши действия на западном фронте, они не дадут нам проливов и Константинополя. Их могут занять чужие флоты и армии, пока будет происходить борьба на нашей западной границе». Немиц считал поэтому, что «мы должны одновременно с операциями на западном фронте занять военною силою Константинополь и проливы, дабы создать к моменту мирных переговоров *совершившийся факт* нашего завладения ими. Только в таком случае Европа согласится на разрешение вопроса о проливах на тех условиях, на которых нам это необходимо».

Какие же решения были приняты на совещании, которое произвело столь удручающее впечатление на председателя? – вопрос о наступательной «десантной операции в Черном море, имевшей объектом Константинополь и его проливы», откладывался по связи с проектом развития черноморского флота и, как видно из позднейшего (за месяц до войны) доклада морского ген. штаба, намечался на время «после 1917 года». «Через несколько дней после того, что совещание собралось, – заключает свою мемуарную повесть Сазонов, – несмотря на его секретный характер, оно стало известно германскому посольству и возбудило в нем большое беспокойство. Дело тайного осведомления было хорошо поставлено германским правительством, кото-

рое обыкновенно быстро получало секретные сведения через своих негласных агентов. Менее хорошо обстояло дело с выводом правильных заключений из добываемых таким путем сведений. Так, напр., в данном случае наше февральское совещание, при передаче в Берлин, получило окраску заговора против целости Османской Империи и угрозы Европейскому миру...» В литературе немецкой «совещание 8 февраля приводится в доказательство того, что Россия была зачинщицей мировой войны, вызванной ею для завладения Константинополем и проливами. Большевики, оказавшие старой русской дипломатии обнародованием так называемых секретных документов большую услугу, обнаружив перед лицом всего света миролюбие Императорской политики... в числе других документов издали и протокол означенного совещания, из которого всякий непредубежденный читатель легко составит себе понятие об истинном значении тех мер, которые на нем обсуждались и которые носили исключительно предварительный характер и имели в виду отвести от России одну из величайших опасностей, которые могли угрожать ее государственному существованию» (?!).

Слишком необъятен вопрос о «виновниках» войны... Приведенная справка должна показать только реальные контуры, в которых вырисовывалась константинопольская проблема в сознании руководящих правительственных кругов России накануне войны.

2. Русский «приз войны» и союзники

Жизнь легко расстраивает теоретические калькуляции. Мировая война и участие в ней Турции уже в том же 1914 г. непосредственно поставили вопрос о давно жданной реализации «исторической задачи». Информаторы французского посла в Петербурге – из «Москвы, Киева, Харькова» – чрезвычайно преувеличили общественное возбуждение, порожденное возгоравшейся «византийской мечтой». «Эта война не имела бы смысла для нас, если бы она не предложила нам Константинополя и проливов... Царьград должен принадлежать нам и нам одним. Наша историческая миссия, наш священный долг водрузить крест православия... на куполе Св. Софии... Россия не будет избранной нацией, если она в конце концов не отомстит за вековой позор для христианства» – в таких словах Палеолог подводит итог суждений, распространенных в кругах «политических, религиозных, университетских и еще более dans les regions obscures de la conscience russe». Эта «историческая задача» России на берегах Черного моря, завещанная от предков, была в самых общих чертах охарактеризована в октябрьском царском манифесте по поводу вступления Турции в войну на стороне центральных держав. По словам Сазонова, Царь принял его доклад о проливах²⁸ «с чувством глубокого удовлетворения» и сказал министру: «Я вам обязан самым радостным днем моей жизни».

Как видно из записи Палеолога, фраза манифеста об исторической задаче, поставленной перед Россией, – фраза, которая представлялась послу словно выхваченной из загадочных книг каких-то Сибилл, вызвала некоторое беспокойство у союзников, ибо осуществление «византийской мечты» шло наперекор традиционной французской политике сохранения Status quo в Османской империи (наиболее ярким ее выразителем является дипломат-историк Ганато) и нежеланию англичан допустить Россию к «ключам» Черного моря. Осторожный Палеолог поспешил запросить Сазонова и получил неопределенный ответ от министра ин. д., что Россия вынуждена требовать солидных гарантий относительно Босфора, что же касается Константинополя, то министр охотно оставит туркам старую византийскую столицу с большим огородами вокруг. Пока французский посол в Петербурге информировался, во Франции думали, – Англия разрубила – пока еще словесно – гордиев узел: первого ноября английский посол в Петербурге Бьюкенен в присутствии Палеолога торжественно заявил Сазонову, что английское правительство признает, что вопрос о проливах и Константинополе должен быть разрешен всецело согласно желаниям России.

Вопрос о проливах в русской дипломатии, как мы видим, имел уже свою историю, последним этапом которой до войны было совещание 8 февраля – захват Константинополя и проливов должен быть произведен *русскими* руками. Министр ин. д. счел необходимым обратиться в Ставку с запросом о возможности самостоятельного осуществления Россией операции по завладению проливами. Приняв всецело аргументацию морского ген. штаба, высказанную в речи кап. Немица на совещании 8 февраля, министр указывал, что ни победы на австрийском и германском фронтах, ни меры дипломатического воздействия не дадут овладения проливами «без самостоятельной военной операции в Турции». Верховный Главнокомандующий вел. кн. Ник. Ник. через представителя министра ин. д. в Ставке кн. Кудашева ответил совершенно определенно: «одни мы захватить проливов не можем ни под каким видом», а нач. штаба ген. Янушкевич официально сообщил, что «вопрос о выделении особых сил на овладение проливами не может быть поднят раньше достижения... решительного успеха над... западными противниками».

²⁸ Проект установления русской власти над проливами и устройство Константинополя на «международных началах». – Лично Сазонов проблему о проливах органически не связывал с непереносимым захватом турецкой столицы.

Инициатива неизбежно переходила к союзникам, и это вызывало опасение в некоторых националистических кругах. Сазонов, сообщая Кудашеву о предположениях лорда Китчинера предпринять военные действия союзного флота против Дарданелл, полагал, что, если Россия в настоящее время не может при овладении проливами сыграть «подобающую ей роль», было бы целесообразней настаивать перед союзниками на том, чтобы отложить действия против Дарданелл. Опасения Сазонова, очевидно, целиком не разделялись в Ставке. Великий князь в официальном ответе Китчинеру и в личном разъяснении великобританскому военному представителю в Ставке, ген. Вильямсу, безоговорочно признал с военной точки зрения выгодным всякий удар, нанесенный Турции, но не мог обещать содействия (предполагалось, что в мае русская эскадра сможет принять участие в военных действиях). Ген.-кварт. Данилов, с своей стороны, разъяснил Кудашеву: «Скажите С. Д. (Сазонову), чтобы он отнюдь не “расхолаживал англичан. Пользу предприятие их принесет несомненно, удастся ли оно или нет”; при этом генерал прибавил, что «мы и не думаем чужими руками жар загребать, что, впрочем, нам и не придется, так как англичане, если бы им и удалось овладеть проливами, уничтожить турецкий флот и навести страх на столицу Оттоманской империи, то и тогда не смогут овладеть этой столицей: никакой десант, который они могли бы высадить, не в состоянии был бы одолеть турецкую армию, которая не отдаст же без боя столицу». «Если принять это обстоятельство, – писал Кудашев Сазонову 12 января, – то, по мнению ген. Данилова, мы ничем не рискуем, поощряя англичан к осуществлению их предположения. Что же касается до общего вопроса завладения нами Босфором, то это не может быть сделано нами “между прочим”. Он самым внушительным образом пояснил: завоевание Босфора потребует отдельной войны, а будет ли Россия способна вести эту отдельную войну и захочет ли, в этом он глубоко сомневается.

Если такие сомнения наблюдались у военных специалистов, то их не было лично у Императора: он не колебался в принятом решении. Через три недели Кудашев писал Сазонову, что Янушкевич сообщил ему «волю Государя», признающую только одно решение вопроса – «присоединение обоих проливов». В связи с этим создался эфемерный проект «посадить один из кавказских корпусов на транспорты и выслать его к Босфору на случай удачи прорыва проливов», к чему Кудашев отнесся весьма скептически, считаясь с наличием «нашего бессилия». «Я не сомневаюсь в том, что наши союзники... тут же предложат нам осуществить наши намерения на Босфоре, – писал он Сазонову 10 февраля. – Но так как мы не сможем этого сделать, то самым естественным домогательством наших союзников явится заключение мира с Турцией, с приобретением соответственных экономических и иных выгод, с упразднением германского влияния и т.д. ... Таким образом, разрешения вопроса о проливах “в согласии с нашими интересами”, как понимаем это разрешение все мы, дорожащие историческими заветами нашей родины, не последует. С этим неумолимым фактом надо не только считаться, но, по моему глубокому убеждению, надо с ним примириться, подготовляя к нему постепенно и наше общественное мнение. Ничто так не опасно, как закрывать глаза перед действительностью и обольщать себя неосуществимыми мечтами, как бы дороги они ни были для нас».

Ясно, что утверждения в воспоминаниях тогдашнего руководителя иностранной политики Великобритании лорда Грея, что Дарданелльская операция «едва не разрушила» союзнических отношений с Россией, сильно преувеличены, поскольку речь идет о тех опасениях, которые в русских правительственных кругах вызывала эта операция. Колебания в гораздо большей степени были у самих союзников, вынужденных перед определенными требованиями отступить от своей традиционной политики и в то же время считаться с общественным мнением демократической Зап. Европы, которая всегда боялась воинствующего панславизма – «агрессивного русского империализма», по выражению Масарика. Дипломатия Сазонова должна была убедить союзников в необходимости пойти на такой шаг²⁹, но это согласие в дан-

²⁹ Вероятно, русский министр ин. д. проявил большое дипломатическое искусство, однако в воспоминаниях, очевидно,

ном случае необходимо было не для поддержки колеблющейся воли русского монарха, не для того, чтобы отклонить его от перспектив сепаратного мира, которые вырисовывались в про-
исках Германии, – так пытаются представить дело мемуаристы-дипломаты. Подобный намек можно найти в воспоминаниях Грея: «Из Петрограда пришло пожелание выяснить константи-
нопольский вопрос с указанием, что это необходимо для спасения положения Сазонова, это не был блеф, это была реальная опасность». «Делькаэ сказал мне, – записывает, с своей сто-
роны, английский посол в Париже лорд Берти, – что Германия делает отчаянные усилия, чтобы оторвать Россию от союзников». В чем проявились на первых порах эти «отчаянные усилия»
Германии? Вероятно, дело было в тех преувеличенных слухах, на которые падки были дипло-
маты и которые были, напр., зафиксированы в особой телеграмме в середине февраля япон-
ским военным агентом в Петербурге: «Передают, что действия против Дарданелл предпри-
няты Англией и Францией для того, чтобы не допустить перехода проливов во власть России». Слухи, конечно, усиленно распространяли немцы: в марте Грей переслал Бьюкенену копию
телеграммы из Стокгольма, в которой местный посланник сообщал, что от лица «весьма близ-
кого с германским посланником» (Ф. Луциусом) он узнал, что «последний распространяет в
печати слух, будто бы Англия и Франция заключили сепаратное соглашение о Константино-
поле. Цель соглашения помешать переходу Константинополя во владение России».

Нет дыма без огня. Мемуары Сазонова рассказывают, с каким трудом претворялось слово
в дело. Эту повесть о двойственности и противоречивости даже официальной политики можно
было бы пополнить воспоминаниями иностранных дипломатов и документами, в изобилии
собранными в сборнике «Константинополь и проливы». Лорд Берти, «враждебно настроен-
ный к русской политике» (Сазонов), передает, напр., что в первые дни бомбардировки Дарда-
нелл союзническим флотом в Париже наблюдалось «возрастающее чувство подозрения в отно-
шении русских поползновений на Константинополь». Присоединялись и интриги балканских
государств, притязавших в той или иной мере на старую Византию. Большую активность в этом
отношении развивал греческий премьер Венизелос, готовый предоставить союзникам грече-
ские силы для овладения Дарданеллами. Венизелос усиленно пропагандировал мысль, что
при захвате Дарданелл Константинополь должен сделаться интернациональным городом, так
как Франция и Англия не могут допустить, чтобы «Россия... стала всемогущей на Востоке». Против участия греков в дарданелльской операции решительно возражал Сазонов, телегра-
фировавший 2 марта Извольскому и Бенкендорфу (т.е. в Париж и Лондон), что Россия «ни
при каких условиях не может допустить» участие греческих войск при вступлении союзни-
ков в Константинополь. Творец «нелепой попытки» форсировать Дарданеллы без расчета на
десант, Черчилль, ставивший Россию на «задний план» в своей болгарской попытке, готов
был приложить «все свои силы, чтобы помешать России завладеть Константинополем». Грей
отклонил греческую инициативу, боясь провоцировать выступление одной из претенденток
на «византийское» наследство – Болгарии: Фердинанд Кобургский, видевший в Константино-
поле «сосредоточение» всех болгарских задач, изображался уже на марках в порфире и короне
византийского императора...

он несколько преувеличивает свою инициативу, рассказывая, что он «решился взять на свою личную ответственность при-
ступить к переговорам относительно проливов в виде предварительного совершенно частного обмена мнений с английским
и французским послами».

3. Русское «общественное мнение»

В насыщенной атмосфере этой закулисной дипломатической кухни действительно рождались сомнения у некоторых вождей русских националистов. Ближайший сотрудник Сазонова, кн. Гр. Трубецкой – русский посол в Сербии и кандидат на должность «генерального комиссара» в Константинополе – с весьма большой определенностью пишет Сазонову 13 февраля: «Для меня борьба с Германией и Австрией и союз с Францией и Англией только средство для достижения этой народной цели», т.е. реального осуществления «византийской мечты». «Не может быть безразлично, мы или наши союзники завладеют проливами, – спешит телеграфировать официальный корреспондент министра ин. дел. – Одно их участие с нами в этом деле является уже прискорбным, ибо создает опасные для нас права в конечном разрешении вопроса. Завладение же проливами без нас было бы прямо пагубно, и в этом случае Константинополь стал бы в будущем могилой нынешнего нашего союза». Но национал-либерал кн. Трубецкой идет в своих опасениях еще дальше: «Проливы должны быть наши... – пишет он 9 марта: – Можем мы это получить с Францией и Англией против Германии, им лучше. Не можем, тогда лучше то же *получить с Германией против них*». Ведь это признание допустимости сепаратного мира! Если были такие точки зрения, зачем приписывать их исключительно «Романовым», совершенно чуждым, по крайней мере в этот момент, подобной психологии? Если надо было «спасти» положение Сазонова, то это надо было сделать перед общественным мнением, выражаемым националистическими кругами, подозрительность которых не могла быть возбуждена не появившейся еще на сцене Васильчиковой...

В январской сессии Гос. Думы (27 января 16 г.) министр ин. д. счел нужным в связи с правительственной декларацией, оглашенной премьером Горемыкиным (в ней упоминался Константинополь), сказать о проливах. Его слова были подхвачены депутатами Ковалевским и Милюковым, говорившими об осуществлении тем самым национальных задач. Палеолог рассказывает, что в перерыв обступившие его депутаты – Милюков, Шингарев, Протопопов, Маклаков – говорили ему, что русский народ не примет мира, который не даст Константинополя России. Так думает вся «истинная Россия», – утверждал якобы Шингарев³⁰. От этой «всей России» говорил через три недели Сазонов английскому и французскому послам – он убеждал их в необходимости пойти дальше общих фраз (Бьюкенен признает, что его ноябрьское заявление «не было достаточно точным, чтобы надолго удовлетворить русское правительство») и официально продекларировать присоединение Константинополя к России, как признал это уже английский король в беседе с русским послом в Лондоне Бенкендорфом.

18 февраля при представлении ген. По Царь заявил Палеологу, что Константинополь и Фракия должны быть присоединены к его Империи и что он, со своей стороны, «авансом» соглашается на все те округления, которые пожелает Франция в отношении своих границ к Германии. Через пять дней Палеолог получил принципиальное согласие французского правительства на предоставление России «блестящего приза»; оно выговаривало себе компенсацию в Сирии, где Франция буди творить «дело цивилизации». Английское правительство через Бьюкенена 1 марта также дало свои гарантии при условии признания нейтральных зон в Персии в «британской сфере». Эта вербальная нота (закрепленная позже «меморандумом», составленным Бьюкененом на основании полученной им из Лондона инструкции), пребывавшая в тайниках дипломатических канцелярий, очевидно, не могла воздействовать на широкие общественные слои, которые оставались довольно равнодушными к осуществлению «исто-

³⁰ Позже в докладе по поводу Константинополя в думской комиссии также утверждалось, что все русское общественное мнение стоит на точке зрения присоединения Константинополя. Думские депутаты, очевидно, не представляли себе отчетливо «общественное мнение» страны, считая его адекватным настроению группы консервативно-либеральных националистов.

рической мечты». С достаточной образностью с своей церковной точки зрения выразился по этому поводу в апреле арх. Антоний волынский в письме к своему другу киевскому митрополиту Флавиану: «Соколов (проф. ист. дух. академии), конечно, будет докладывать о Царьграде, которого русским все равно не отдадут англичане, – да и лучше, чтобы не отдавали, ибо что хорошего обращать св. град тот во второй Петербург».

4. В Верховной Ставке

Из пометки имп. Николая II видно, что его вполне удовлетворили результаты, которых добился Сазонов, и никаких опасений у него не было: «В течение дня, – писал он из Ставки жене 9 марта, – у нас была продолжительная беседа – Н. (вел. кн.), Сазонов, Янушкевич и я, – закончившаяся к нашему взаимному удовольствию». Очевидно, все четыре собеседника стояли приблизительно на одной и той же выработанной раньше позиции, что Константинополь фактически будет принадлежать России только в том случае, если он в окончательной форме будет *завоеван*. Поэтому пропаганда из Германии с половинчатым решением не могла оказать влияния на Императора, и не было надобности «шантажировать» союзников проектами «сепаратного мира». Каковы же были настроения А. Ф.? Их можно установить по интимной переписке ее с мужем. Едва ли возникали у нее какие-либо сомнения, когда, перечитывая то, что «Наш Друг» писал, посетив Константинополь (т.е. изданные от его имени «Размышления»), она с присущей ей повышенностью чувств замечала: «О, что за великий день, когда будет отслужена опять обедня в Св. Софии... Только ты дай приказание, чтобы не разрушалось и не портилось ничего, принадлежащего магометанам. Мы должны уважать их религию, так как мы христиане, слава Богу, а не варвары». В письмах А. Ф. нельзя найти и намека на те опасения, которые рождались в предвидениях некоторых прозорливых националистов³¹. Но еще более знаменательно, что в ноябре, когда стратегическое положение на русском фронте отодвинуло осуществление исконной «мечты» в отдаленное будущее, когда у союзников стала нарастать та «враждебность» к русским претензиям, о которой сообщал из Парижа Извольский Сазонову, и в обществе начали говорить о пересмотре международного решения константинопольской проблемы, у А. Ф. такого сознания нет. «Черт побери эти подводные лодки, – писала она 8 ноября, – они мешают нашему флоту и высадке. А там в то время могут набрать большое количество войск. Он (т.е. Распутин) хочет, чтобы в этот день, когда наши войска войдут в Константинополь, во главе шел один из моих полков – не знаю, почему³². Я сказала, что это будут наши дорогие моряки, хотя они и не мои – они сердцем к нам ближе всех». Слова А. Ф. тем более знаменательны, что они были написаны в период якобы подготовки «исподтишка» (Чернов) приезда Васильчиковой с предложением сепаратного мира во имя удовлетворения царьградских мечтаний и желания в силу подозрения, внушенного предшествующими письмами Васильчиковой, так или иначе ликвидировать галлиполийскую экспедицию союзников.

³¹ Опасения эти приводили к настойчивому стремлению верх. командования принять хотя бы «символическое» участие русскими войсками в Дарданелльской операции. Отсюда родилась мысль послать небольшой отряд из Владивостока, так как самим форсировать Босфор не представлялось возможным, и не было шансов, что одесский корпус появится под стенами Константинополя. Мысль эта вызвала противодействие со стороны английского главнокомандующего Китченера, находившего, что привоз 4500 человек с лошадьми, пушками и обозом причинит массу хлопот без пользы для дела. Кудашев сообщил (9 июня), что Данилов несколько неожиданно с «необычайной горячностью» настаивал на продвижении отряда: «Он мне сказал что как русский человек не может допустить мысли, что при взятии Константинополя не будет русских войск и что, если англичанам наш отряд и причинит хлопоты, то это не беда, этим стесняться не надо, так как они попросту не желают, чтобы мы вошли в Константинополь вместе с ними. Это вопрос политический, а не военный, – заметил он, – и в нем и верх. главнок., и нач. штаба и я чувствуем одинаково... Если он (Сазонов) возьмет на себя объяснить России допустимость взятия Константинополя без всякого участия наших войск, то это его дело. Но мы (военные) не хотим, чтобы нам было поставлено в упрек, что мы не могли уделить даже 4500 чел. для этой операции». Кудашев был против «символистического» участия – навязывания России в этом деле «роль мухи на рогах вола, которая может сказать: и я пахала». Отправка отряда из Владивостока по настоянию английского командования все же была отменена.

³² Палеолог в середине февраля имел свидание с министром «царской души», как будто бы назвал себя Распутин. Последний спросил посла: получит ли Россия Константинополь? – Да, если мы будем победителями. – Это верно? – Я твердо верю в это. – Тогда русский народ не пожалеет о своих страданиях и примет еще многие жертвы. – Отметим это просто, как одну из записей Палеолога.

* * *

Если Семенников более или менее осторожен в использовании документов, то пошедший по его стопам Чернов, как мы уже видели, чрезвычайно поспешен в выводах и склонен к обличительным кривотолкам. Представитель русского командования на ноябрьской конференции в Шантильи, ген. Жилинский, действительно высказался за ликвидацию военных действий в Дарданеллах. Ссылаясь на его секретную телеграмму Алексееву 28 ноября, Чернов утверждает, что Жилинский в ней сообщал «истинный невысказанный мотив» такого решения – опасность «создания постоянного английского нового Гибралтара при выходе в Средиземное море». «Такое полное дословное совпадение с письмом Васильчиковой трудно объяснить простой случайностью». Приведенная фраза имеется в телеграмме Жилинского. Из сделанного выше обзора довольно определенно вытекает, что такое толкование было ходячим в некоторых националистических кругах, и, следовательно, не Жилинский заимствовал его из немецкой аргументации, а скорее немцы подсказали Васильчиковой его употребление³³.

Как логически Чернов связывает телеграмму представителя военного командования ген. Жилинского с частным письмом Васильчиковой Царю, неизвестно. Надо, по-видимому, расширить плацдарм и к делу подготовки сепаратного мира привлечь еще и военное командование. Но это будет уже сфера досужей фантазии. «Секретные мотивы» ген. Жилинского не имели никакого отношения к соображениям, побуждавшим действовать закулисных дирижеров миссии царской фрейлины. Дело в том, что попытка английских десантных сил овладеть Галлиполийским полуостровом, предпринятая 24 июля, потерпела фиаско, и Галлиполи грозило обратиться в «кладбище... десантных армий». Вместе с тем в связи с неудачами на русском фронте совершенно изменялась военная конъюнктура. В России произошла смена верховного командования, и на авансцену выступил новый нач. штаба ген. Алексеев, в руках которого было сосредоточено «фактическое» командование и который относился скептически к возможности и надобности завоевания Константинополя...

«По поводу тяжелого, чтобы не сказать безвыходного, положения англичан в Дарданеллах, – сообщал Кудашев 10 сентября, – я спросил ген. Алексеева, что бы наиболее соответствовало нашим военным интересам: чтобы англичане ослабили французский фронт и высадили еще войска в проливах или же поддержали французов для активных действий на Западном фронте? Генерал на это ответил приблизительно так: для нас ликвидация дарданелльской операции, конечно, самая важная задача, ибо, разрешишь она, можно будет заключить сепаратный мир с Турцией и перебросить кавказскую армию против Германии, а это может решить участь войны в нашу пользу, так как и немцы устали, и появление свежих сил может сразу все изменить. Впрочем, заметил генерал, активное действие французов возможно и теперь: для нас оно очень желательно, ибо все усилия, все пополнения германцев направлены на нас, и мы уже сплошь 5 месяцев выдерживаем всю тяжесть войны».

В последовавшее затем время произошло присоединение Болгарии к центральным державам. «Положение, созданное решением Болгарии присоединиться к нашим врагам, – писал Кудашев 8 октября, – считается ген. Алексеевым настолько серьезным, что он мне категорически заявил, что мы из него не выйдем, если не заключим мира с Турцией. На мое замечание, что такой мир, даже если бы удалось заключить... обозначал бы крушение всех наших надежд на разрешение больного константинопольского вопроса, ген. Алексеев ответил: “Что же делать?”

³³ Сам термин «Гибралтар» в Дарданеллах имел уже давность. Так, в 1896 г. Ганато, бывший в то время министром ин. д. во Франции, предостерегая русского посла в Париже Моренгейма о рискованности проявляемой Россией тенденции «монополизировать» Турцию, говорил: «Если вас даже и впустят в Константинополь, то в тот же час англичане возведут в Дарданеллах Гибралтар, который закроет вам всякий выход».

С необходимостью приходится мириться... Создается положение, при котором разумно можно будет рассчитывать на достижение цели войны: изгнание врага из наших пределов и сокрушение опасности для нашего существования военной мощи Германии. Преследовать иные цели – значит гоняться за миражем...» Мнение Алексеева склонялось к усилению помощи Сербии и выполнению июльского соглашения в Шантильи о посылке 150 тыс. англо-французских войск в Салоники – созданию особой балканской армии, в основу которой должны быть положены силы галлиполийского десанта. С этой точки зрения в согласии с полученными директивами Жилинский, назначенный в конце октября в проектировавшийся высший военный совет союзников, и высказывался за ликвидацию галлиполийского десанта.

Точке зрения Алексеева в «секретной записке», поданной кап. Бубновым (морское вед.), был противопоставлен иной план: «Стремясь на соединение с Турцией, Германия, конечно, главным образом стремится к азиатской Турции, источнику всего того, что Германии надо. Поэтому главным объектом ее стратегии должен быть Босфор (не Дарданеллы). В их руках он станет неуязвимым, и немцы оттуда станут вечной угрозой не только для нас, но и для англичан и для французов... Посылка отрядов в Салоники не дает нам ничего: еще будут вестись переговоры о их посылке, когда немцы дойдут до Константинополя. Отсюда следует необходимость их предупредить на Босфоре с целью разобщения Малой Азии, для чего достаточна только морская оккупация. Другими словами, необходимо, чтобы союзники, хотя бы ценою громадных жертв, прорвались через Дарданеллы, помогли нашему флоту прорваться (также ценою крупных жертв) сквозь Босфор и затем, хотя бы базируясь только на Севастополе, окончательно обезвредить появление в Константинополе немцев из Болгарии. Если это невозможно, то судьба Константинополя, несмотря ни на какие десанты в Салониках, решена окончательно, притом против нас и против наших союзников, ибо Босфор в руках Германии – такая же угроза для Англии (Египта, Индии), как и для нас». Конечный вывод Бубнова: надо убедить союзников, особенно англичан, в необходимости «принести в жертву хотя бы пол их эскадры, но прорваться через Дарданеллы».

«Хотя я всегда отношусь очень осторожно к вспышкам воображения таких талантливых людей, как напр., кап. Бубнов, у которых талант переплетается с подчас неудержимым увлечением, я думаю, – комментирует Кудашев, – что он проводит правильную мысль... Записка Бубнова должна быть сегодня подана на Высочайшее благоволение. Не знаю, последует ли затем по ней и исполнение... Лично я думаю, что... появление флота перед Константинополем было бы единственным удобным моментом для заключения мира с турками и какой-нибудь русско-французско-английской опеки, обеспечивающей нам свободное пользование проливами». Очевидно, «ясное мышление» Алексеева одержало верх над неудержимым увлечением»³⁴.

³⁴ В кратких воспоминаниях, напечатанных в 1942 г. в немецком «Парижском Вестнике», ген. Головин несколько по-иному освещает эпизод. Головин был назначен нач. штаба 7-й отдельной армии, предназначавшейся в октябре «для производства десанта в Черном море» и возглавленной ген. Щербачевым. Алексеев будто бы так изложил Щербачеву и Головину «существо» возложенной на них задачи: высадившись в румынской бухте Балчик, лежащей недалеко от болгарской границы, наступать «в южном направлении для захвата проливов»; на высадку имелось «тайное» согласие Румынии, но «условное» – румынский премьер Братиано соглашался рисковать вынужденным вступлением в войну, если численность десанта будет доведена до 200 тыс. человек. В последний момент Братиано вдвое увеличил размер гарантирующего Румынию десанта. Осуществить это требование с русской стороны представлялось невозможным, но Алексеев предложил все же эту высадку организовать и объявить ее «ошибкой» ген. Щербачева и Головина, за что они и должны были получить официальный выговор. Румыния же при таких условиях могла бы ограничиться формальным протестом и сохранением в отношении России «доброжелательного нейтралитета». Если бы намеченный вариант «не обещал успеха», то нач. штаба предлагал произвести десант где-нибудь на малоазиатском побережье Турции и т.д. На восклицание Головина, что «ведь это чистая авантюра», Алексеев сказал: «Да, авантюра, но это желание Е. И. В., по-видимому, под влиянием морских кругов», и предложил собеседникам разобраться в Одессе, где сосредотачивалась в это время их армия, в вопросе, и в докладе Царю «обрисовать авантурный характер задуманного десанта»: «Я вас поддерживаю», – добавил Алексеев. Так Щербачев и Головин и поступили – доклад был составлен Головиным. Прибыв в Одессу, Николай II горячо поблагодарил Щербачева за «гражданское мужество говорить ему правду в глаза» и наградил его званием ген.адъютанта: «Я был введен в заблуждение о пользе и возможности десанта в Черном море», – сказал Царь... «Вы убедили меня. Я отменяю десант...» Контекст, в котором преподнесены «личные вос-

По намекам Кудашева можно заключить, что Царь не сочувствовал идее заключения мира с Турцией³⁵, но Алексеев продолжал ее отстаивать. 5 февраля 16 г. Кудашев передавал некоторые его соображения по этому поводу: «Продолжая войну с Турцией, мы выгадываем только то, что обманываем себя надеждой на осуществление в близком будущем чарующей нас иллюзии. Прекращая же войну с Турцией, мы осуществление наших иллюзий откладываем на новый срок, зато достигаем победы над Германией, т.е. того, к чему стремимся и мы и все наши союзники, что одно только обеспечивает нам всем прочный мир, а лично нам наше политическое, военное и нравственное положение в Европе»³⁶. Обратим внимание на взгляд Алексева, он поможет нам более объективно оценить те толкования будто бы существовавшего плана сепаратного мира, которые найдут себе место в конце 1916 г.

поминания» ген. Головина, находится в противоречии с тем, что Кудашев сообщал из Ставки Сазонову со слов Алексева, и что министр, с своей стороны, писал своему представителю в Ставке; противоречат они и всеподданнейшим телеграммам министра по поводу «уклончивого поведения Румынии» в переговорах, которые велись в это время. Эти переговоры о пропуске русских войск – вернее о совместных с Румынией действиях против Болгарии или против Австрии – имели совершенно определенную цель оказать немедленную и непосредственную помощь Сербии (спасти Сербию и предотвратить торжество германского замысла – как выразился Алексеев Кудашеву). Пассивное, граничащее с каким-то двурушничеством поведение «фактического главнокомандующего» мало соответствовало тем взаимоотношениям, которые установились в Ставке: «До сих пор Государь одобрял все мои распоряжения», – говорил, например, Алексеев Кудашеву 21 октября, и Кудашев замечал в письме к министру, что «никаких неосторожных приключений» не будет допущено. Вопрос о переговорах по поводу пропуска русских войск через Румынию был снят министром ин. дел телеграммой 3 ноября послу в Бухаресте, переговоры признавались преждевременными. (Об условиях выступления Румынии и стратегии ген. Алексева см. ниже.) Надо добавить, что сам имп. Николай II, уступая настойчивости Алексева, как мы увидим, не отказывался от мысли о возможности осуществления морской экспедиции для реализации созвучной его настроениям «византийской мечты».

³⁵ Позже (20 августа 1916 г.) на телеграмме русского посланника в Берне он положил резолюцию: «С Турцией надо покончить. Во всяком случае, в Европе ей больше нет места. Поэтому нам входить в сношения с оппозицией не следует». У армянских политиков был план использовать возможное восстание Джемалья-паши.

³⁶ Ген. Поливанов в Петербурге развивал третью позицию: надо обратить главное внимание на Кавказский фронт, продвигаться к Константинополю и взять его с помощью союзников, находящихся в Салониках. Думская общественность критиковала Ставку, считая, что там смотрят по-иному, «руководясь главным образом ревностью к вел. кн. Ник. Ник.» (Родзянко).

Глава третья. Смена верховного командования

1. «Второй Император»

Как будто можно признать без всяких оговорок, что константинопольская проблема в 1915 г., поскольку речь идет о верховной власти, вовсе не создавала той атмосферы сепаратного мира, первым этапом подготовки которого явилась якобы смена верховного командующего. Последнее утверждение – это прежде всего немецкая точка зрения, в литературу занесенная воспоминаниями германского кронпринца. По его мнению, переговорам о сепаратном мире мешало лишь то обстоятельство, что у власти находился вел. кн. Ник. Ник.³⁷ Людендорф более осторожен и, сознательно преувеличивая влияние и стратегические дарования вел. кн. Н. Н., говорит, что устранением его немцы сделали лишь большой шаг вперед «на пути к победе». «Главное затруднение к сепаратному миру и устранила А. Ф. под водительством Распутина» – спешат сделать заключение те, кто легенду стремятся превратить в действительность, в сущности просто солидаризируясь с теми сплетнями, которые в первичной обстановке распространились в обывательских военных кругах (их в сентябре отметил в своих письмах Сазонову Кудашев, сообщая о разговорах среди офицеров в Ставке о том, что устранение вел. кн. Н. Н. является победой «немецкой партии, желающей в октябре заключить мир»).

Какую бы роль не сыграла в данном случае внушенная «Другом» инициатива Императрицы, мотивы ее настойчивой кампании против Ник. Ник. лежали в иной совершенно плоскости – плоскости, пусть даже воображаемого, политического соревнования³⁸. И эту подозрительность возбуждали не только опасения, шедшие со стороны «Друга». Не кто иной, как историк вел. кн. Ник. Мих. приложил к сему свою руку. Его «тревожила» в «династическом отношении» популярность Н. Н., «киевские интриги», муссировавшие «мужа вел. княгини славянки, а не немки». Сам по себе факт, что Ник. Мих. в письме Царю в апреле 1916 года упоминал, что он не признает «других вариантов в династическом отношении», и советовал быть «начеку» при «возможности великой смуты после войны», достаточно показателен. Не так уже по существу далеки подобные утверждения от истерических уверений А. Ф., что Н. Н. Царя хотел «выгнать», а Царицу «заточить» в монастырь³⁹, и что «Друг, вовремя раскрыв их карты», «грязную изменническую игру», спас положение тем, что «убедил прогнать» Н. Н. (письма 16 сентября 1915 г. и 5 ноября 1916 г.). Мотив этот решительно доминирует. Перед августовским кризисом верховного командования А. Ф. настаивает лишь на том, чтобы был положен конец положению, которое «невероятно фальшиво и скверно»: «Если надо, чтобы он остался во главе войск, ничего не поделаешь. Все неудачи падут на его голову, но во внутренних ошибках будут обвинять тебя, потому что никто внутри страны и не думает, что он царствует вместе с тобой». «Все возмущены, что министры ездят к нему с докладом, как будто бы он теперь Государь» (25 июня). «Он не имеет права вмешиваться в чужие дела, надо этому положить конец и дать ему только военные дела, как Френч и Жоффри» (17 июня). Подогревали температуру и другие великие князья – так, 25 июня А. Ф. писала мужу, что вел. кн. Павел говорит, что Ник. Ник. «вроде второго императора». «Как много людей говорят это (наш Друг тоже)». Позже А. Ф.

³⁷ Немцы пытались даже пускать в русскую армию соответствующие – весьма наивные – прокламации от имени «несчастливого» царя, подавленного «интригами» своего «коварного» родственника и «вероломных» генералов, затеявших войну против его воли и готовых его за противодействие устранить от власти.

³⁸ См. «На путях к дворцовому перевороту».

³⁹ Разговоры в это время о заключении А. Ф. в монастырь, низложении Императора и возведении на престол вел. кн. Ник. Ник. отметил в своей летописи слухов и французский посол, передававший их даже на обеде у вел. кн. Павла Александровича 2 августа.

ссылалась и на мнение наиболее близкого Царю вел. кн. Александра Мих., удивлявшегося, что Царь так долго терпел создавшееся фальшивое положение. Вел. кн. Андрей Влад. отмечает суждение ген. Палицына о рискованности придания Ник. Ник. титула «верховного» главнокомандующего – «нельзя из короны вырывать перья».

Возбуждение Императрицы идет crescendo. В июне она еще готова так или иначе примириться с занятием поста верховного главнокомандующего Ник. Ник.: «Как я хотела бы, чтобы Н. (Николаша) был другим человеком и не противился Божьему человеку». Она желает лишь охранить престиж Царя. Ее тревожит, что верховный главнокомандующий не только принимает доклады министров, как «государь», но и издает приказы под стиль царских приказов, тогда как должен писать «более просто и скромно». Ставка заслоняет имя Императора и не пускает его к войскам. «Я ненавижу твое пребывание в Ставке, где ты не видишь солдат». «Плюнь на Ставку...» «Там ничего хорошего не высидишь», – пишет она в июне, побуждая Царя ехать в действующую армию. «Ты, наверное, сможешь повидать войска... Николаша не должен знать, только тогда это удастся. Скажи, что ты просто хочешь немного проехаться... Поезжай один... совсем один, принеси им отраду своим появлением... У тебя ложная, излишняя щепетильность, когда ты говоришь, что нечестно не говорить ему об этом – с какой поры он твой наставник и чем ты ему этим помешаешь...» «Осчастливь войска своим дорогим присутствием, умоляю тебя их именем – дай им подъем духа, покажи им, за кого они сражаются и умирают, не за Н., а за тебя. Десятки тысяч никогда тебя не видели и жаждут одного взгляда твоих прекрасных, чистых глаз. Ни слова об этом Н., пусть он думает, что ты уехал куда-нибудь, в Бел. (овеж) или куда тебе захотелось. Эта предательская Ставка, которая удерживает тебя в твоём намерении ехать... Но солдаты должны тебя видеть, они нуждаются в тебе, а не в Ставке, ты им нужен, как и они тебе». Политические мотивы в прямом смысле этого слова появляются позже, когда и нападки на вел. кн. Н. Н. принимают более резкие формы – уже после отстранения Н. Н. от верховного командования под влиянием общественного недовольства росла подозрительность к тому, что делалось за кулисами.

«Фальшивое положение» создалось отчасти в силу того, что задолго до войны предполагалось, что Царь сделается верховным вождем действующей армии. Сухомлинов в воспоминаниях утверждает, что в соответствии с таким заданием разрабатывалось новое положение о «полевом управлении» (эту сторону подчеркнул в беседе с Андр. Влад. и ген. Палицын, бывший до войны начальником ген. штаба). Куропаткин еще 4 февраля 1903 г. записал в дневник: «Сегодня я получил огромной важности рескрипт Государя Императора, которым он указывает, что в случае столкновения России с европейскими державами примет на себя верховное главнокомандование всеми армиями». В силу этого перед «военной игрой», происходившей в ноябре 1910 г., Николай II предполагал взять на себя верховное командование. Так было и перед войной – Царь действительно хотел в первый момент возглавить армию. В совещании 1914 г., на котором обсуждался этот вопрос, Кривошеин и Щегловитов (между прочим, ссылкой на «обстановку прутского похода» во времена Петра I), по словам Сухомлинова, склонили всех министров к мнению о необходимости Царю оставаться у кормила правления в центре административно-государственного аппарата⁴⁰. Царь тогда сказал, что «хотя ему это очень тяжело», но он подчиняется решению, оговоривши, что это не «окончательное» его решение и впоследствии оно может быть «изменено» (показания Ник. Маклакова).

Как рассказывает Сухомлинов, вел. кн., занимавший прежде пост председателя Совета Госуд. Обороны, принял верховное главнокомандование «совершенно к этому не подготовленным»; по словам Поливанова, Н. Н. настолько не был готов для занятия своего ответственного поста, что «долго плакал», не зная, «за что ему взяться, чтобы разобраться с этим

⁴⁰ Сухомлинов подчинялся большинству, считая, что у него нет «нравственного права идти одному против всех». Позицию Сухомлинова подтверждают и показания Ник. Маклакова в Чр. Сл. Ком.

делом». Осложнили положение и личные свойства довольно самовластного великого князя – свойства, которые Ник. Мих. в дневнике определил словами: «ordre, contre-ordre et desordre». «Настроен я пессимистически, – записал в сентябре 1914 г. бывший на фронте автор дневника, – так как трения и колебания в действиях верховного стали чересчур наглядными. Все делается под впечатлением минуты: твердой воли ни на грош, определенного плана, очевидно, тоже не имеется». «При такой чудовищной войне нашли кому поручить судьбу русских воинов», – восклицает в конце концов Ник. Мих. Пристрастность мемуарных суждений титулованного историка выступает на каждой странице дневника. Но вот итог, который подвел в заседании Совета Министров 16 июля тогдашний глава военного ведомства достаточно дипломатичный ген. Поливанов, открыто сказавший, что считает «своим гражданским и военным долгом заявить Совету министров, что отечество в опасности...» «В Ставке наблюдается растущая растерянность. Она охвачена убийственной психологией отступления... В действиях и распоряжениях не видно никакой системы, никакого плана... И вместе с тем Ставка продолжает ревниво охранять свою власть и прерогативы». Мы оставим в стороне рассмотрение стратегического вопроса, насколько великое отступление 1915 г. логически вытекало из необходимости отвести армию в глубь страны, чтобы спасти ее от «окончательного разгрома», как полагает военный историк Головин. Нам важны сопутствующие явления и оценка их тогдашним правительством.

2. Ставка и правительство

Для того чтобы представить себе трагичность положения в стране, которую создало установившееся двоевластие, надлежит вслушаться в то, что говорилось в заседаниях Совета министров в дни, предшествовавшие окончательному решению Царя принять на себя верховное командование. Записи об этих министерских совещаниях по «секретным вопросам», сделанные пом. управл. делами Совета Яхонтовым, с большой образностью обрисовывают настроения в правительственных кругах (министры не стеснялись в «секретных заседаниях» в своих откровенных суждениях и выражениях). Яхонтовская запись приобретает тем большее значение, что из памяти министров скоро испарилась трагичность пережитого момента – напр., министр вн. д. Щербатов не помнил уже деталей вопроса о несогласованности действий правительства и военных властей, когда он характеризовал дореволюционное время в показаниях Чр. Сл. Комиссии. Мы остановимся на некоторых деталях, ибо в обстановке, зафиксированной документом исключительной ценности, какую имеет запись Яхонтова, лежит ключ к пониманию перемен, которые произошли в верховном командовании.

Ненормальность положения и полное разложение центрального правительственного механизма с совершенной очевидностью выступает в этом изложении. Причина отнюдь не лежала в «безнадежной лени и циничном безразличии» престарелого Горемыкина, как представил Сазонов в воспоминаниях. Самовластие и «деспотизм» Ставки под верховным водительством вел. кн. Н. Н. (молчать и не рассуждать – вот любимый «крик из Ставки», по выражению Поливанова, употребленному в докладе Совету 15 июня), не считавшиеся с Советом министров, приводили своим вмешательством в гражданское ведомство к полной анархии, «неразберихе» и административному «хаосу» в стране. «Дезорганизация принимает столь угрожающий характер, что становится страшно за будущее. Иной раз, слушая рассказы с мест, думается, что находишься в доме сумасшедших, – говорил в том же заседании главноуправляющий землеустройством и земледелием Кривошеин... – Так или иначе, но бедламу должен быть положен предел. Никакая страна, даже многотерпеливая Русь, не может существовать при наличии двух правительств. Или пусть Ставка возьмет на себя все и снимет с Совета министров ответственность за течение дел, или же пусть она и ее подчиненные считаются с интересами государственного управления. Наш долг доложить об этом Государю и указать, что *настоящее положение длиться не может*».

Министр вн. д. Щербатов – тот самый, которого А. Ф. считала «тряпкой» и от которого Совет министров требовал энергичных действий, добавлял черты для характеристики «безвыходного положения», когда у него нет власти «ни юридической, ни фактической», когда он вынужден подчас быть «простым и безгласным» зрителем того, что происходит, когда он превращен в какого-то «всеобщего козла отпущения», того «злосчастного Макара, на которого все шишки сыпятся»: он «лишен власти» даже в «столице Империи», у него нет средств бороться с «разбойнической печатью». (Щербатов указывал, что даже полицейское управление петербургского градоначальника ему не подчинено.) Министр торг. и пром. Шаховской, со своей стороны, жалуется на «своеволие военных начальников» и требует их «обуздания». В рабочем вопросе надо быть особенно «осторожным и тактичным», а между тем военные власти «давят на рабочих террором». «При малейшем недоразумении пускают в оборот полевые суды, вооруженные силы, лишение льгот по призыву и т.п. утешения. Незначительный конфликт раздувается в крупное, чуть ли не революционное событие». Шаховской (ставленник Распутина – утверждает Гурко) протестует против «расправ» военных властей с рабочими больничными кассами, настаивает на восстановлении деятельности профессиональных союзов, не функционирующих «на основании запретов в порядке чрезвычайных уполномочий» «развязных» генералов.

Не важно, насколько в данном случае ведомственная обиженность преувеличивала картину «безвыходной трагедии», порожденной произволом «ретивых генералов», «предприимчивых прапорщиков» и «храбрых воителей», забронированных словами «военная необходимость» и занимавшихся «внутренней политикой». Важно то, что Совет министров признавал свою полную беспомощность: военная власть всю ответственность за неудачи переносила на правительство, а последнее эту ответственность возлагало на командование. Мы пройдем мимо детального изображения фактов, которые в то время особенно волновали членов правительства и которые приписывались «могилевской демагогии», как выразился госуд. контролер Харитонов. «Логика и веления государственных интересов не в фаворе у Ставки», – замечал военный министр, и Совет с некоторым «ужасом» взирал на такие мероприятия Ставки, как массовое выселение евреев, «огульно» обвиняемых в шпионаже, с прифронтовой полосы: «сотни тысяч», «поголовно» гонимых «нагайками», двигаются во внутренние губернии из черты оседлости и захваченной Галиции. Подобная экзекуция происходит в момент, когда Совет вынужден обсуждать вопрос о «равноправии» для еврейского населения – по существу временного устранения запретной линии черты оседлости, фактически во многих случаях нарушенной принудительной эвакуацией. Инициатива принадлежала министру вн. д.: он указывал на опасность «демагогии» Ставки, сознательно, по его мнению, выставившей евреев виновниками понесенных военных неудач (это своего рода *alibi* для неудачливых стратегов) и возбуждавшей погромное настроение в армии. Даже «непримиримые антисемиты» возмущены такой политикой. «Дикие вакханалии» возбуждают общественность и порождают революционные настроения⁴¹.

Но Ставка остается «глухой» ко всем «доказательствам и убеждениям». «Все доступные нам способы борьбы с предвзятой тенденцией исчерпаны, – говорил Щербатов. – Мы все вместе и каждый в отдельности и говорили, и просили, и жаловались». За границей, – свидетельствовала министру делегация от еврейской банковской общественности, – начинают «терять терпение», и получается такая обстановка, при которой Россия скоро не найдет «ни копейки кредита». Принципиальная сторона вопроса совершенно ступшевуется в прениях представителей правительственной бюрократии, искавшей выхода из «заколдованного круга»: деньги можно достать только у «того племени», с которым расправляется Янушкевич, – заявляет министр финансов Барк. Вне евреев нельзя на международном банковском рынке найти «ни копейки». «Мы тщетно просили воздержаться от возбуждения еврейского вопроса казацкими нагайками». «Теперь, – вторит ему Кривошеин, – нож приставлен к горлу, и ничего не поделаешь». Нельзя вести войну одновременно с Германией и евреями. «С душевным прискорбием» должен согласиться на уступки в еврейском вопросе министр юстиции Хвостов. Самарину также «больно давать свое согласие». Защита «овечек» (выражение Харитонова) от «незаслуженного преследования» ставится в плоскость: «дайте, и мы дадим». В этом отношении оказался солидарен весь Совет министров (лишь мин. путей сообщения Рухлов, не оказывая формальной оппозиции Совету, высказывал сомнение («душа не приемлет») в целесообразности под «давлением еврейской мощи» разрушать одну из основ «национальной политики».

«Еврейский» вопрос осложнялся и практикой в «польском» вопросе. Министр вн. д. осведомил о жалобе, с которой к нему обратились польские представители: «За сутки до выступления... армии из Варшавы жандармы, по требованию военных властей, арестовали массу народа – поляков и евреев – по подозрению в австрийской ориентации. Исключения не было сделано даже для малолетних». «Я проверил эти сведения, – констатировал Щерба-

⁴¹ В мае Ставка додумалась до того, что отдала предписание заменять «поголовное массовое выселение евреев», затруднительное для выполнения и вызывающее «нежелательные осложнения», взятием «заложников из неправительственных раввинов и богатых евреев с предупреждением, что в случае измены со стороны еврейского населения заложники будут повешены». Материалы, собранные «Коллегией еврейских общественных деятелей», которая работала при евреях-депутатах Гос. Думы, дают яркие примеры дальнейшего творчества «ретивых генералов».

тов, – и они оказались вполне верными. Поляки возмущены, так как, по-видимому, хватали без разбора... Факт произошел на территории театра войны, и министр... лишен там права голоса...» «Просто безумные люди там распоряжаются! – восклицает министр ин. д. – ... Хорошую, нечего сказать, атмосферу создают для разрешения русско-польских отношений. Воззвание верх. главнокомандующего, общее направление нашей примирительной политики в польском вопросе – все это, значит, обман, внешность, а действительность – это генеральский произвол. Воображаю, какое впечатление произведет на наших союзников, когда они узнают, что младенцев сажают в тюрьму за австрийскую ориентацию!»

Описанная картина «возмутительных безобразий», «анархии», «произвола» и «безвластия» (эпитеты Щербатова) бледнела в предвидении грядущего бедствия в «тылу театра войны», порождаемого отступательной стратегией «мудрых» воителей, как иронически выражались в Совете министров. Грозное развитие беженского движения – явление «самое неожиданное... и самое непоправимое», ибо ни правительство, ни общественные организации «не в силах ввести эту стихию в правильное русло». «И что ужаснее всего, – говорил Кривошеин, – это то, что систематическое опустошение прифронтовых местностей не вызвано действительной необходимостью или народным порывом, а придумано мудрыми стратегами для устрашения неприятеля». «Толпы доводимых до отчаяния людей» при содействии карательных отрядов насильственно срываются с мест. «По всей России расходятся проклятия, болезни, горе и бедность. Голодные и оборванные повсюду вселяют панику (население встречает беженцев в «поленья», – свидетельствовал мин. вн. д.), угашают последние остатки подъема первых месяцев войны. Идут они сплошной стеной, топчут хлеб, портят леса, луга. За ними остается чуть ли не пустыня, будто саранча прошла, либо тамерлановы полчища – железные дороги забиты, передвижение даже военных грузов, подвоз продовольствия скоро станут невозможными. Не только ближний, но и глубокий тыл нашей армии опустошен, разорен, лишен последних запасов. Я думаю, что немцы не без удовольствия наблюдают повторение 1812 года. Устраиваемое Ставкой второе великое переселение влечет Россию в бездну, к революции и к гибели»⁴². «Прямо чудовищно все, что происходит, – возвращается к беженскому вопросу через несколько заседаний Кривошеин, – как будто люди нарочно делают все, чтобы погубить Россию, затянуть ее в бездну. Ни один народ не спасался собственным разорением»⁴³. Штабы потеряли способность рассуждать и давать себе отчет в действиях», – подводит итог Поливанов... «Надо просить Государя вмешаться в это безобразие – заключает Щербатов»⁴⁴.

Необходимость обращения к верховной власти, как *ultima ratio*, становится обычным аккомпанементом к речам и резолюциям Совета министров. Первое заседание 16 июля (с него начинаются записи Яхонтова), на котором военный министр прорекламировал свое «отечество в опасности», запротоколировало слова Поливанова: «Печальнее всего, что правда не доходит до Е. В. Государь оценивает положение на фронте и дальнейшие перспективы только на основании сообщений, обрабатываемых Ставкой. И наша... обязанность, не откладывая ни минуты, умолять Е. В. немедленно собрать под своим председательством чрезвычайный военный совет

⁴² Эта вера в «непобедимость нашу при оборонительной отечественной войне, когда и время и пространство и самые черты нашего народного характера... должны нас спасти от превосходного по культуре нашего врага», была столь сильна в Ставке, что заражала и кн. Кудашева, который писал об этом Сазонову. Несмотря на выраженные в Совете министров скептические суждения, граничившие в устах Кривошеина с издевательством над теми *quasi* патриотическими формами, которые принимала «отечественная» война (в «Русск. Вед.» писатель Козловский одновременно показывал логическую бессмыслицу инсценировки «1812 года» в польских губерниях), Горемыкин, открывая Гос. Думу в годовщину войны, взял эту тему исходным пунктом для своей речи.

⁴³ Как должно было отразиться во время войны беженство на общем транспорте, видно уже из того, что в сентябре беженцами было захвачено 115 тыс. товарных вагонов.

⁴⁴ Ген. Данилов, исходя из преимуществ России в «отечественной» войне, в самые критические моменты высказывал Кудашеву оптимистическую уверенность в окончательной победе, если только «не будет революции». Сам верховный главнокомандующий поразил своим спокойствием председателя Думы. На вопрос Родзянко: «Что вы так спокойны?» вел. кн. сказал: «Я к этому приготовился, я еще в январе говорил, что не могу воевать без снарядов, без винтовок и без сапог».

(генералов и министров)... Мера эта обуславливается не только военной необходимостью, но и соображениями внутренней политики, ибо население недоумевает по поводу внешне безучастного отношения Царя и его правительства к переживаемой на фронте катастрофе». Совет Министров постановил представить Государю «единодушное ходатайство правительства».

По записям Яхонтова «общее возмущение» вызвал в Совете проект Ставки о наделении земель наиболее отличившихся воинов⁴⁵. 24 июля Кривошеин докладывал полученное им от ген. Янушкевича письмо «совершенно исключительного содержания». Начальник штаба писал, что русским солдатам чужда мысль «драться за Россию»; тамбовец готов грудью стоять за Тамбовскую губернию, но война в Польше ему чужда, и поэтому солдаты сдаются во множестве в плен; русского солдата нужно имущественно заинтересовать в сопротивлении врагу, поманив его наделением земель под угрозой конфискации ее у сдающихся в плен и т.д. «Героев надо купить», по мнению ближайшего сотрудника вел. кн. – негодовал Кривошеин, увидевший здесь лишь обычное ««alibi», желание отвести от себя «ответственность за происходящее». – Необычайная наивность или, вернее сказать, непростительная глупость письма нач. штаба Верх. Главнок. приводит меня в содрогание. Можно окончательно впасть в отчаяние... Теперь наступила катастрофа – прибегают к опорочению всего русского народа... Подумайте только, в чьих руках находятся судьбы России, Монархии и всего мира. Творится что-то дикое... Я не могу больше молчать. Я не смею кричать на площадях и перекрестках, но вам и Царю я обязан сказать».

Говорил Кривошеин с «величайшей страстностью» о «возмутительном письме» Янушкевича – видно было, «до какой степени он взволнован, потрясен откровениями Начальника Штаба»⁴⁶. Харитонов: «Если Янушкевич думает покупать героев и только этим способом обеспечить защиту родины, то ему не место в Ставке... Мы обязаны предупредить Государя». Сазонов: «Я не удивлен этим позорным письмом... Ужасно то, что Вел. кн. в плену у подобных господ. Ни для кого не секрет, что он загнипнотизирован Янушкевичем и Даниловым, в кармане у них⁴⁷. Это черт знает что такое! Благодаря таким самовлюбленным ничтожествам мы уже потеряли исключительно благоприятно начавшуюся кампанию и опозорили себя на весь мир... Неужели же мы будем все время молчать, неужели в Совете Министров не хватает мужества *открыть глаза кому следует*. В известной обстановке чрезмерная осторожность граничит с преступлением...»

Царь был таким образом достаточно осведомлен и через отдельных министров, и через председателя Совета; в заседаниях последнего становится почти трафаретным заявление Горемыкина: «Я обращаю внимание Государя на это сплошное безобразие. На фронте совсем теряют голову». Министры сами подталкивали мысль Царя на вывод, что единственным выходом было бы принятие на себя верховного командования: если «верховным» будет сам Император, тогда «никаких недоразумений не возникало бы, и все вопросы разрешались бы просто

⁴⁵ Курьезно, что сам Кривошеин косвенно явился источником, откуда Ставка почерпнула свой мудрый проект. В письме Царя 8 апреля значится: «Прибыл Кривошеин и высказал Н. в моем присутствии разные соображения насчет мер, которые могли быть приняты для вознаграждения офицеров и солдат, уходящих из армии по окончании войны, кто отличился, кто получил увечья и вообще всех раненых. Отличные соображения, которыми я поделюсь с тобой дома». Как видно из воспоминаний Поливанова, этот вопрос обсуждался в Совете министров 3 марта и 17 апреля 15 г. и вновь на заседании в Царском Селе 24 июля. Идея находила отклик вовне – так в защиту населения земель «героев войны» выступал в «Нов. Вр.» проф. Мочульский, а позже Шульгин.

⁴⁶ Фондом для этого должны были послужить земли государственные, скупленные Крестьянским Банком, отчуждаемые владения немцев-колонистов и неприятельских подданных. Янушкевич специально написал военному министру письмо (оно приведено в воспоминаниях Поливанова) с просьбой воздействовать на членов Думы (Родзянко или людей центра) в том смысле, чтобы с кафедры Думы было заявлено, что семьи добровольно сдающихся в плен будут лишены земельного пайка и переселены в пустынные земли Сибири. «Вопрос кармана довлеет над всем», – утверждал представитель Ставки, пыгавшийся инспирировать вторую «отечественную войну»

⁴⁷ Другие современники дают иную характеристику взаимоотношений в Ставке: Янушкевич обладал, по выражению Курлова, единственным недостатком – «страхом перед Великим Князем».

– вся исполнительная власть была бы в одних руках» (Кривошеин). В заседании 16 августа Поливанов предупредил Совет, что в Ставке разрабатывается вопрос о расширении территории театра войны вглубь страны до линии приблизительно Тверь – Тула: «Таким образом, еще добрая половина матушки России уходит из рук правительственной власти и поступает в безраздельное обладание рыжего Данилова...» *Щербатов*: «Не только надо протестовать, но категорически заявить, что это недопустимо... Нельзя отдавать центральные губернии на растерзание рыжего Данилова и его орды тыловых героев...»⁴⁸ *Кривошеин*: «Серьезно, людей охватывает какой-то массовый психоз, затмение всех чувств и разума». *Горемыкин* (обращаясь к военному министру): «Вы им решительно напишите, что их проект сплошной вздор... А я переговорю с Государем Императором и буду его просить образумить авторов этого проекта». *Поливанов*: «Есть и еще один более пикантный проектец... Главкомандующий южным фронтом (Иванов) находит, что для победы над врагом необходимо эвакуировать в принудительном порядке прифронтовую полосу на 100 верст в глубину страны». Позднее приходит сообщение из Ставки, что признается неизбежной эвакуация Киева. «Генеральская паника» вызывает бучу в Совете, тем более что военный министр высказывает уверенность, что Киеву «непосредственной опасности» не грозит⁴⁹. *Харитонов*:...«Нельзя же ради испуганной фантазии будоражить целый край... Оставление Матери русских городов отзовется по всей России... Злость берет от нашего бессилья перед генеральскою отступательною храбростью...» *Щербатов*: «Военная власть окончательно потеряла голову и здравый смысл. Как будто нарочно создается повсюду хаос и беспорядки». *Сазонов*: «Вся эта история глубоко меня возмущает. Военный министр высказывает убеждение, что Киеву не грозит опасность, а гг. растерявшиеся

⁴⁸ Большой занозой для Совета являлся и «московский вопрос», в миниатюре представлявший все те затруднения, с которыми сталкивалось правительство при самовласти Ставки, и угрожавший новыми осложнениями в связи с расширением прифронтовой полосы на внутренние губернии. В Москве, пользуясь своим, как выразился государственный контролер, «полувысочайшим положением», «воеводствовал» ген.-ад. кн. Юсупов, назначенный в мае командующим войсками и главноначальником столицы с недостаточно определенными функциями. Это было после знаменитого антинемецкого погрома. Совету министров чуть ли не десять раз приходилось «тратить время на рассмотрение и примирение княжеских претензий со здравым смыслом». В конце концов Юсупов объявил «забастовку» до принятия Советом министров его требований – так охарактеризовал положение дел Щербатов. Министр вн. д. докладывал монарху о создавшейся ситуации, и Царь наметил в качестве выхода восстановление в первопрестольной ген.-губернаторства с назначением на этот пост Юсупова: по мнению Царя, «такое назначение оформило бы его положение и ввело бы его деятельность в рамки нормального закона». (Перед тем Царь писал жене, что в Ставке Юсупов был с докладом и «мы несколько охладили его пыл».) Но Юсупов соглашался вернуться в Москву при условии, что ему будут даны исключительные полномочия: право по своему усмотрению объявлять в Москве военное положение, непосредственное подчинение гарнизона, который должен быть снабжен пулеметами и т.д. «Если Юсупову дать просимые полномочия, – докладывал Щербатов, – то Москва фактически ускользнет из рук министра вн. д. и превратится в независимую деспотию...» По мнению Кривошеина, надо воспользоваться благоприятной обстановкой, чтобы «удалить Юсупова с его австрийскими пулеметами и своеобразной политикой... У него несомненно мания величия и в форме опасной, не будучи еще властелином московским, он договаривается с правительством, как с соседней державой». Самарин обращает внимание на то, что Юсупов «успел приобрести довольно широкую популярность в московских низах». Его считают «непримиримым врагом немцев и истребителем немецкой крамолы в государстве». (Эта «крамола», по словам Щербатова, чудится повсюду, чуть ли не в самом Совете министров.) «Начнут кричать, что правительство играет на руку немцам, удаляя непреклонного борца с немецкими шпионами». В дни московского погрома Юсупов, выступая в городской думе, открыто заявил, что он «вполне на стороне рабочего люда, который протестует против немецкого засилья», – на одного русского в Москве три немца. За это министр вн. д. назвал московского правителя «демагогом». И вот началась длинная волянка. Юсупов упорствовал на своем ультиматуме, Совет рассматривал «пункты» и придумывал компромиссы. Поливанов докладывал Царю «соображения» Совета министров. «Посоветуйте, как мне быть с Юсуповым, он не идет ни на какие уступки». По существу же доклада «никаких высочайших предубаждений» не было дано. На следующем заседании председатель объявил, что «Е. В. «предоставил кн. Юсупову окончательно стовориться по поводу его требований относительно генерал-губернаторских полномочий с военным министром». Поливанов успешно выполнил свою миссию, уже 4 сентября Юсупов был уволен «по прошению». Не служит ли юсуповский инцидент подтверждением того, что никакой, даже отдаленной мысли о возможности сепаратного мира у А. Ф. в то время не было – она пыталась оттаивать немецкофобу Юсупова... «Мне так хочется, чтобы Юсупов вернулся в Москву», – писала она 2 сентября. «В Москве нужен глаз», Юсупов, в ее представлении, «глуп, но искренне предан».

⁴⁹ Еще в мае Царь в письме к жене отметил «угнетенное, пришибленное настроение в Ставке» – «бедный ген. Драгомиров спятил и начал рассказывать направо и налево, что необходимо отступить до Киева. Такие разговоры, когда идут сверху, действовали, разумеется, на дух командующих генералов и в соединении с отчаянными германскими атаками и нашими страшными потерями привели к выводу, что им ничего не остается, как отступить».

генералы хотят его эвакуировать, бросить на растерзание австрийцев. Могу себе представить, какое впечатление это произведет на наших союзников, когда они узнают об оставлении... центра огромного хлебородного района...»

«Растущая растерянность Ставки», распоряжения которой принимают «истерический характер»⁵⁰, вызывает такую же истерическую критику со стороны министров, обиженных тем, что их игнорируют в катастрофический момент, и пришедших в паническое состояние от заслушанного сообщения военного министра. «Армия уже не отступает, а попросту бежит, – докладывал он 6 августа. – «Малейший слух о неприятеле, появление незначительного немецкого разъезда вызывает панику и бегство целых полков... Ставка окончательно потеряла голову, противоречивые приказы, метание из стороны в сторону, лихорадочная смена командиров и повсеместный беспорядок сбивают с толка даже самых стойких людей... Психология отступления настолько глубоко проела весь организм Ставки, что вне пресловутого заманивания пространством не видят и не ощущают никакого исхода, никакой борьбы». «Историк не поверит, что Россия вела войну вслепую и пришла потому к краю гибели, что миллионы людей бессознательно приносились в жертву самомнением одних, преступностью других. То, что происходит в Ставке, сплошной позор и ужас, – еще раз вызывает Кривошеин 24 августа. – Защитники со всеми удобствами заблаговременно удирают перед воображаемой опасностью, а мирных людей бросают на произвол судьбы, на полное разорение...» «Действительно на стену полезешь». «Наш долг неустанно повторять Е. И. В. («надо умолять») о необходимости созыва объединенного совета в составе всего правительства и военачальников. Задача Совета выработать план дальнейшего ведения войны и установления строгого порядка выполнения эвакуации... Когда это говорят специализировавшиеся на эвакуационных маневрах спасители отечества (Кривошеин такие решения называл «приговором фельдшера» и противопоставлял ему авторитет врачебного консилиума), то я буду кричать и возмущаться»⁵¹.

⁵⁰ «Подавленное» настроение в Ставке в это время отметил и постоянный корреспондент Сазонова – Кудашев (письмо 25 июля).

⁵¹ Военный министр весьма скептически оценивал «суворовский маневр заманивания неприятеля внутрь страны подальше от коммуникационных линий» и резко высказывался против «вредной иллюзии». «Надо думать не о победах, а о том, как бы спасти жизненный центр России от захвата неприятеля. Надо не убаюкиваться несбыточными надеждами, а сосредоточить все силы на сопротивлении». Мы не будем рассматривать стратегический вопрос, насколько «великое отступление» логически вытекало из необходимости отвести армию вглубь страны, чтобы спасти ее от «окончательного разгрома», как полагает военный историк Головин.

3. «Фатальное» решение Николая II

В такой обстановке Царь принял решение возложить на себя верховное командование. Хорошо подчас осведомленный вел. кн. Андрей Вл. и по большей части точный в своих передачах, говорит, что перед тем Царь получил «паническое» письмо с фронта от Н. Н. и даже «плакал», страдая от своей оторванности от войны. Нельзя более ярко, чем это делают «записи» Яхонтова, показать, что в представлении ответственного тогда за судьбу России лица решение это могло казаться единственным выходом из «тупика», когда военный министр, рисуя картину какого-то сплошного разгрома, уповал лишь на традиционную российскую «грань» и «на милость Николая Угодника».

6 августа военный министр сообщил Совету, что на утреннем докладе Царь объявил ему об устранении великого князя. «Как ни ужасно то, что происходит на фронте, есть еще одно гораздо более страшное событие, которое угрожает России», – сказал Поливанов. Весть эта вызвала «сильнейшее волнение», – замечает в своих комментариях неофициальный протокол заседания. «Все заговорили, сразу и поднялся такой перекрестный разговор, что невозможно было уловить отдельных выступлений». Между тем Совет должен был быть подготовлен к возможности такого именно разрешения поставленной дилеммы. Умудренный опытом Горемыкин обращал внимание Совета еще 16 июля на «необходимость с особой осторожностью касаться вопроса о Ставке. В Царском Селе накапливается раздражение и неудовольствие против великого князя. Император, как вам известно, никогда не была расположена к Ник. Ник. и в первые дни войны протестовала против призвания его на пост Главнокомандующего. Сейчас она считает его единственным виновником переживаемых на фронте несчастий. Огонь разгорается. Опасно подливать в него масло. Бог знает, к каким это может повести последствиям».

В показаниях Чр. Сл. Ком. Щербатов указывал, что за две недели до объявления Царем решения вступить в командование на одном из заседаний Совета министров в Царском Селе, на котором поднимался вопрос о неурегулированности отношений между гражданской и военной властью, он говорил, что «необходимо объединение, но не доводя до крайности». «Что вы хотите сказать этим? – спросил Царь. «Крайностью было бы совмещение в лице В. И. В. всей власти верховного главнокомандующего», – пояснил Щербатов. Николай II «покраснел» и сказал: «Нет, об этом речи быть не может. Я хотел это сделать в начале войны, но Совет Министров меня убедил не делать». «А через две недели, – добавлял свидетель, – не предупредив нас, зная, как мы относимся, он решил сделаться верховным главнокомандующим. Вот до какой степени трудно было с ним иметь дело!»

Между началом войны и настроениями июльско-августовских дней столь большая дистанция, что перерешение вопроса в данном случае не может служить показателем бесхарактерности монарха, легко поддающегося закулисным влияниям («объясняли это влиянием Императрицы и Распутина», – свидетельствовал Щербатов). Сказал ли Государь в действительности так определенно, как значится в показаниях Щербатова, мы в точности, конечно, не знаем⁵². Некоторая скрытность была свойственна этому человеку, избегавшему противодействия. Он действительно знал, что в этом вопросе противодействие будет особенно упорно. Очевидно, внутреннее решение было принято гораздо раньше, чем оно выявилось наружу. В июле Государь был в Царском Селе, и в нашем распоряжении нет того первостепенной важности источника для определения психологических мотивов его действий, каким является переписка с женой. В дни принятия окончательного решения Распутин был в отсутствии – это подчеркивал в Совете министров кн. Щербатов. Лишь *post factum* «наш Друг» благосло-

⁵² Надо иметь в виду, что революционное время наложило определенный отпечаток на показания Щербатова, в силу чего между ними и записью Яхонтова, насколько она воспроизводит слова министра в заседании Совета, получается разноречие.

вил совершившееся, очевидно, вызванный в последний момент, когда у Царя, под влиянием окружавшей оппозиции, проявились колебания, или А. Ф. боялась этих колебаний. Тогдашняя молва (запись Ан. Вл.) говорила, что Распутин «в пьяном виде публично похвалялся, что прогнал Николашку»⁵³.

Из слов Щербатова в Чр. Сл. Ком. приходится заключить, что министры предвидели возможность такого выхода. Относились ли они к нему принципиально так явно отрицательно, как это оказалось на деле? На вопрос председателя Чр. Сл. Ком.: «Что вас заставило выступить в пользу оставления верховного командования за вел. кн. Н. Н.» Щербатов сказал: «Мы полагали, что Государь лично, не обладая никакими способностями военными, ...ничего не внесет полезного в смысле военном, но внесет в Ставку все те отрицательные стороны, которые всегда Двор приносит в военную среду. Затем пребывание Государя в Ставке технически делало невозможным правильное управление страной... внесет такую безалаберщину и такой беспорядок, от которых будет несомненно большой ущерб... А затем, отдавали себе отчет, что оставление Императрицы здесь могло грозить стремлением в той или иной форме если не регентствовать, то близко к этому, что во всех отношениях было крайне опасно». Мы увидим, что и Сазонов в воспоминаниях выдвигает опасение закулисных влияний вокруг Царицы в случае отъезда Императора в Ставку, о чем он пытался намекнуть в личной беседе с Николаем II. Поливанов в показаниях, рассказывая о попытке своей отговорить Царя от стремления встать во главе армии, говорил, что он не мог высказать «внутренней причины» своих возражений и поэтому указывал на трудность совместить должности правителя и верховного командования и на опасность оставления страны без руководства. Истинная же причина заключалась в полной неспособности Царя к военному делу: «Он разумел внешнюю декоративную сторону... стратегические соображения ему были довольно чужды». (Интимная царская переписка не дает материала для такого суждения – скорее впечатление противоположное. Но, по-видимому, у Царя и не являлась мысль, что он сам будет направлять стратегию – командование в его глазах приобретало символическое значение, усиленно подчеркиваемое А. Ф.)

Те соображения, которые выдвигали опрошенные впоследствии министры, совершенно ускользнули от внимания записывавшего прения в Совете министров в часы, когда приходилось непосредственно реагировать на решение Царя. В их суждениях доминировал один мотив: «Опасность вступления главы государства в командование в момент деморализации и упадка духа армии, являющихся следствием постоянных неудач и длительного отступления». Прочитированные слова принадлежат Поливанову. «Зная подозрительность Государя и присущее ему упорство в принятых решениях личного характера, я пытался, – передавал 6 августа Поливанов о своей беседе с Царем, – с величайшей осторожностью отговаривать, умолять хотя бы отсрочки приведения этого решения в исполнение... Я не считал себя вправе умолчать о возможных последствиях во внутренней жизни страны, если личное предводительствование Царя не изменит в благоприятную сторону положения на фронте и не остановит продвижения неприятеля внутрь страны; при этом я доложил, что по состоянию наших сил нет надежды добиться хотя бы частных успехов, а тем более трудно надеяться на приостановку победоносного шествия немцев. Подумать жутко, какое впечатление произведет на страну, если Государю Императору пришлось бы от своего имени отдать приказ об эвакуации Петрограда или, не дай Бог, Москвы. Е. В. внимательно прослушал меня и ответил, что все это им взвешено, что он сознает тяжесть момента, и что тем не менее решение его неизменно». После Поливанова выступил *Щербатов*: «До меня за последнее время доходили слухи об интригах в Ц. С. против Великого Князя, и я подозревал, что это может кончиться вступлением Государя в верховное

⁵³ См. ниже заявление Самарина в Совете министров: хуже, что в полемике с Гурко ее поддержал историк Милуков, сославшись на позднейшую документацию («как теперь известно»). Эту ходячую версию естественно воспринял такой поверхностный исследователь российской предреволюционной современности, каким является немецкий писатель-историк Ф. Мюллер.

командование. Но я никак не думал, что этот удар разрешится именно теперь, в самый неблагоприятный момент для решения». Щербатов указывал, что в военных неудачах и в тыловой разрухе «во многом виноват самого Государя». «Если Е. В. отправится на фронт, как можно будет обеспечить ему охрану среди происходящего там столкновения... Как оберегать Государя от тысяч бродящих... дезертиров, голодных, обозленных людей... А царская семья? Я не могу поручиться за безопасность Царского Села... Кучка предприимчивых злоумышленников может проникнуть, и ослабленный отъездом личной охраны Государя гарнизон окажется в тяжелом положении. Возможность же подобных попыток далеко не исключена при современных подозрительных настроениях и искании виновников переживаемых несчастий...» Вмешивается *Горемыкин*: «Е. В. уже несколько дней тому назад предупредил меня о принятом им решении. Когда я в прошлых заседаниях во время суждений о взаимоотношениях между военными и гражданскими властями предупреждал вас о необходимости с чрезвычайной осторожностью касаться перед Государем вопроса о Ставке, я имел в виду именно опасность ускорения этого решения». *Сазонов* перебивает: «Как же вы могли скрыть от своих коллег по кабинету эту опасность? Ведь дело затрагивает такие интересы, от которых зависит судьба России. Если бы вы сказали нам откровенно, мы нашли бы, вероятно, способы противодействовать решению Государя, которое я не могу назвать иначе, как пагубным». *Горемыкин*: «Я не считал для себя возможным разглашать то, что Государь повелел мне хранить в тайне. Если я сейчас говорю об этом, то лишь потому, что военный министр нашел возможным нарушить эту тайну и предать ее огласке без соизволения Е. В.⁵⁴. Я человек старой школы, для меня высочайшее повеление закон... Когда на фронте почти катастрофа, Е. В. считает священной обязанностью русского царя быть среди войск и с ними либо победить, либо погибнуть. При таких чисто мистических настроениях вы никакими доводами не уговорите Государя отказаться от задуманного им шага... в данном решении не играют никакой роли ни интриги, ни чьи-либо влияния. Я также... прилагал все усилия, чтобы удержать Е. В. от окончательного решения, и просил его отложить до более благоприятной обстановки. Я тоже нахожу принятие Государем командования весьма рискованным... но он, отлично понимая этот риск, тем не менее не хочет отказаться от своей мысли о царственном долге. Остается склониться перед волею нашего Царя и помогать ему». *Сазонов*: «...бывают обстоятельства, когда обязанность верноподданных настаивать перед Царем во имя общегосударственных интересов... Надо еще учитывать и то, что увольнение Вел. кн. произведет крайне неблагоприятное впечатление на наших союзников... нельзя скрывать..., что за границей мало верят в твердость характера Государя и боятся окружающих его влияний. Вообще все это настолько ужасно, что у меня какой-то хаос в голове делается. В какую бездну толкается Россия». *Кривошеин*: «Я давно подозревал возможность заявления Государем желания встать непосредственно во главе армии – это вполне соответствует его душевному складу и мистическому пониманию своего царского призвания. Но я был далек от мысли, что этот вопрос может выдвинуться именно в настоящий абсолютно неподходящий момент, и что облеченное до сих пор монаршим доверием правительство будет поставлено лицом к лицу с предрешенным актом такой величайшей исторической важности... Ставится ребром судьба России и всего мира. Надо протестовать, умолять, настаивать, просить... чтобы удержать Е. В. от бесповоротного шага. Мы должны объяснить, что ставится вопрос о судьбе династии, о самом троне, наносится удар монархической идее, в которой сила и вся будущность России. Народ давно уже со времен Ходынки и японской кампании считает Государя царем несчастливым, незадачливым... Напротив, популярность Вел. кн. еще крепка, и он является лозунгом, вокруг которого объединяются последние надежды. Армия тоже, возмущаясь командирами и штабами, считает Н. Н. своим истинным вождем. И вдруг – смена верховного главнокомандования. Какое безотрадное впечатление и в обществе, и в народных массах, и в

⁵⁴ В показаниях Поливанова значится, что Царь разрешил ему сообщить только председателю Совета.

войсках...» *Щербатов*: «Не может быть сомнения в том, что решение Государя будет истолковано, как результат влияния пресловутого Распутина. Революционная и антиправительственная агитация не пропустит удобного случая...» *Харитонов*: «У меня напрашивается сомнение, как отнесется к его устранению сам Вел. Князь. Человек он нервный, впечатлительный, болезненно самолюбивый... В Ставке..., несомненно, возможны попытки склонить Е. В. на какие-нибудь решительные шаги». Поливанов «молча развел руками и пожал плечами» – значит в записи Яхонтова. Кривошеин, Сазонов, Барк в один голос утверждают, что со стороны Вел. Князя «не может быть никакой опасности неповиновения», что эти соображения должны быть «совершенно исключены» и что не следует «запугивать несуществующими опасениями и возбуждать давно уже недобрые чувства его (Царя) в отношении Вел. Князя» – «подобный аргумент способен только разжечь пожар». *Горемыкин* против коллективного выступления: «Оно не только не принесет никакой пользы, но, напротив, повредит. Вы знаете характер Государя и какое впечатление на него производят подобные демонстрации. К тому же... решение его непоколебимо. Никакие влияния тут не при чем. Все толки об этом – вздор...» Призыв Горемыкина – отмечает запись – «не производит особого впечатления, пройдя малозамеченным». Принято было решение: просить военного министра доложить Государю мнение Совета министров и умолять или о пересмотре принятого решения, или хотя бы об отсрочке приведения его в исполнение до наступления более благоприятных обстоятельств. Разъехались министры «в большом возбуждении»: общее настроение, – «как Государь мог принять без совещания с правительством решение, столь глубоко затрагивающее всю государственную жизнь... Значит к Совету нет доверия».

* * *

Через два дня, в заседании Совета 9 августа, Горемыкин сообщил, что доклад военного министра не повлиял на решение Царя и что оно остается «неизменным»: «В настоящую минуту военный министр находится в Ставке, куда он послан... с поручением сговориться о порядке осуществления сдачи командования⁵⁵.

На следующий день снова собрался Совет. Вначале настроение было «более спокойно». У Царя возникла мысль пока остаться в Петербурге и здесь обосновать Ставку. Члены Совета находили такую комбинацию «более успокоительной». Совет занялся выработкой формы, в которую надлежало облечь совершившуюся перемену: «позолотить пилюлю», которая преподносилась вел. кн. Настроение изменилось под влиянием выступления Самарина, отсутствовавшего на предшествовавших заседаниях. Он ждал «грозных последствий» от перемены верховного командования. «Повсюду в России настроения до крайности напряжены... Достаточно одной искры, чтобы вспыхнул пожар... вступление Государя Императора в предводительство армией явится уже не искрой, а целой свечой, брошенной в пороховой погреб. Во всех слоях населения, не исключая деревни, думские речи произвели страшное впечатление и глубоко повлияли на отношение к власти. Революционная агитация работает... И вдруг в такую минуту громко прокатится по всей России весть об устранении единственного лица, с которым связаны чаяния победы, о выступлении на войну самого Царя, о котором в народе сложилось... убеждение, что его преследуют несчастья во всех начинаниях». Правительство должно было, по мнению Самарина, в полном составе протестовать перед Царем; раз это не было сделано,

⁵⁵ В воспоминаниях Поливанов упомянул о совершенно удивительном, почти трогательном эпизоде, который прекрасно характеризует «цинично-безразличного», внешне сохранявшего спокойствие Горемыкина, в действительности переживавшего в этот момент глубокое волнение; перед отъездом в Ставку для выполнения порученной трудной миссии Поливанов посетил председателя Совета: «Старик повторил свое мнение: “что же тут делать” и при прощании благословил меня и неожиданно, растрогавшись, чмокнул меня в руку, чем привел меня в глубокое смущение, заставившее меня поцеловать его лоб».

то Самарин считал своим долгом лично высказать носителю верховной власти свой взгляд.
Харитонов:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.